

смена

11

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС "ПРАВДА"

Пламенный привет
делегатам

Смена

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
№ 11
Ноябрь 1936 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Чрезвычайного VIII
съезда советов!

«...Двадцатый год, товарищи, войдет в историю, в нашу советскую историю, в новую историю человечества годом новой советской социалистической Конституции. Сталинский документ, в котором отражены чаяния не только нашего народа, надежды тружеников не только нашей небольшой страны, но и всего человечества, — есть выражение нашей упорной, великой работы и побед на трудовых фронтах» (из речи тов. К. Е. Ворошилова на Красной площади 7 ноября с. г.).

На снимке: праздничная Москва. Гигантская статуя творца новой Конституции, любимого воожда народов Иосифа Висарионовича Сталина на площади Свердлова. (Фото Р. Лемберг).

— С чём вы пойдёте против них? — и Марк протянул Сарре нож..

Восстание

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ

Отрывки из нового романа Николая Островского «Рожденные бурей» уже печатались в прошлых номерах «СМЕНИ».

Нашему читателю знакомы герои Островского: Андрий, Раймонд Шишечкин, Олеся, старей большевик Раевский.

Действие романа происходит в годы гражданской войны в Польше. Помечаемый ниже отрывок изображает начало восстания, поднятое рабочими оккупированного города против белогвардейцев.

Чувствовал, что краснеет. Сарра несколько мгновений колебалась, затем тихо спросила:

— Позвольте мне ему сказать?

— Не знаю, с беспомощностью глядела Раймонд.

— Думаю, что можно, — решала Сарра. — Послушай, Марк, оставь на минуту свою дратву.

— У меня срочный заказ, времени нет...

— Марк, сегодня в городе начнётся восстание...

Она замолчала, увидев, как немедленно застыли старческие, но также и юные лица, чёрные, как у сестёр, глаза.

Восстание? Откуда ты знаешь? И... — старик не договорил.

Сарра приложила к его плечу:

— Марк, может, ты пойдёшь с нами?

— Куда?

— Еслі пойдеш, сказав,

Марк быстро заморгал глазами, болезненно кривя губы.

— Куда я не пойду! — резко дернув облезленную смолой дратву, скрипнула он.

— И ты не пойдёшь... Я не хочу, чтобы тебя повесили, — защептал он испуганно. Рагондер шёл по-германски.

— Что я, оставляю, а я пойду. Я думала, что ты не такой...

Она хотела сказать «труса», но не смогла произнести это слово. Колодка с голеницами упала с колен Марка на пол. Все испуганно огляднулись на дверь.

— Ты бы подумала о семье... об отце! Что ты хочешь, чтобы нас всех порвали в тебе существо? Чего тебе так нужно? — шептал он, все более взволнованный.

— Моя совесть... Я хочу жить, Марк. Жить хочу! Разве это бессмыслица?

— Что я, оставляю, а я пойду. Я хочу жить, Марк. Жить хочу!

— Хочешь жить? А идешь на смерть...

— Я не могу больше! Вечно голодать, жить в нищете... Скажи, для чего жить вот таким червяком, которого каждая из богатых дам может разделить? Лучше пусть меня убьют на улице... — также испуганно сказала Сарра.

— Куда же ты идёшь? — спросил Раймонд.

— Куда же я иду? — спросил Сарра.

— Люди поумнее тебя ничего не могли сделать, а ты думаешь свят

прервала её.

Сарра встала:

— Не смогли сделать? Ты ждёшь, чтобы за тебя это кто-то сделал. А сам ты будешь подавать перед Шапкинами и Барракинами, прохлаждать судью и грозить кулаками, когда этого никто не видит... А мы хотим с ними покончить навсегда. Это же твои араги! Почему же ты не хочешь помочь нам в этом?

Марк раздражённо покосился:

— Моя совесть... — она вернула ему колодку пальцами вусок смолы... Быть может она слогнёт с головы, Понимаешь? Сломают! И птиц им не поможет... Хочешь идти... — иди! — он ожесточённо махнул рукой по направлению к двери... — Иди, иди! А я ересь, индир-запок! У меня нет родины, за которую я должен положить голову... Был русский царь, меня гонили как собаку. Пришли немцы — то же самое... Теперь поляки — и улицы страшно выбить. Ну, а если вместо прибалтийских немцев поляки, то нам станет легче? Я не знаю, каков там постыднее и кто кого хочет прогнать. Я знаю только, что ерай долеши сидеть дома...

— Но Абраамакер и Шипакама и его Исаак не сидят дома. Они тоже знают свое место... Сегодня ночью поднимутся рабочие. Вот такие, как мы с тобой... — спросил Сашинин, Марк: рабочие восстанут!

— Рабочие? — растерянно переспросил Марк.

На вокзале простояли загудев паровозы. На мгновение смолк. Затем три коротких гудка. Они донеслись сюда пронгущенные, далекие, Раймонд покосился на часы.

— Пройдёшь, Марк! — вздохнувши сказала Сарра.

— Да, — Ты идешь? — и голос Марка дрогнул.

Марк с тоской посмотрел на неё и, подавленный, опустил голову. Сарра ждала еще несколько мгновений.

— Перебьют вас. С чем вы против них пойдёте? — чуть смишил про

бокушкой он.

Красной занавеской заняли лампу яркой глянцевой чашки, наполненной кремом тень какой-то огромной птицы. Охватив руки коленем, Марк запрокинул глядь на яркощёкий язычок пламени. Марк сплюнул дратвой гоменице салоги. За дверью в комнатах затихло.

Там угасли сплыть.

Марк нарочно выбирал бесшумную работу, чтобы не тревожить их.

Слышалось, как они спят. Стук — звяканье сюда и пойдёт — далеко, а новых не скоро найдешь. Регулярно яркою салопинка приобретается годами. На новом месте все начинать сначала. Трудно очень

трудно это, когда тебе шестьдесят четыре года...

Что хорошего, радостного видела отец за свою долгорую жизнь? Сарра вспоминала его рассказы. И жизнь отца представлялась ей бесконечной, вереницей маленьких сердец деревянных гвоздиков, похожих один на другой. Однотонный стук молота и запах коек, согнутая спина и трух, измождённый трух от зари до глубокой ночи. И это с одинаковым ритмом.

Сарра на стене замазывала кремами.

Сарра замутила глаза. Неужели и ее, и Марка, и Мойши, маленького Мойши, ждет же так же судьба? Давно, когда она была совсем гуашевой, бабушка говорила ей:

— Судьба — это загадочная гостья, и каждая девушки ждет ее прихода, тревожно наследует. Судьбу эту посыпает сам Бог. Она несёт ветром от нее уйти — она найдет вездес. И гнаться судьбу не надо. Чем покорнее прислушиваться к судьбе...

Бабушка давно умерла. Замыслила ее сильнее, но вспомнили ее в детской голове библейские семена. И приди сейчас, в этот холдинг осенний вечер, развалившимися в своем таинственности судьбы, Сарра закрыла бы перед этой злой вестницей горя двери. Она и так знает, что жестине Фальшивый ходит сам Бог, потому что отдавала ей жизнь. Он уверен в себе: у него мастерская, он солидный женщина. И хотя его мать — жестинна ведома, она даже сейчас блест смыла, — какое дело до того, как будет жить эта злодьянина его жена...

У него тоже рабочий характер. Ну, конечно не очистительный, но все же да. Ему нужно жалентись. А чём Сарра пытала невесту? Она будет рожать ему детей и варить вкусный фарш с оливками и помидорами... А то, что она через пять лет станет старухой — что ж, такова судьба еврейской девушке, если у нее отца ничего нет, кроме дочери...

Кто-то тихо постучал в дверь. Марк обернулся. На стемне амбарно-зелёного цвета Сарра тихо открыла дверь в комнату.

Раймонд показал Марку руку и сел напротив с спокойствием. Воспа Сарра, надевая руку, Марк смыкал дратву. Сарра видела: он недоволен.

— Куда вы пойдёте в дождь... И так поздно. Нашли время, — Марк сказал это по-еврейски.

И все же Раймонд понял, о чём он говорит.

А затем, трепанно затаив воспоминами веками, нагнулся, поднял с земли щитником к кому склонный нож.

— Всыпните хоть это...

* *

В комнате стоял тесно прижимавшийся к зеркалу юноша, чьими пестрительством озабочен был человек, вскоре унесенный винтовками. Остальные столы и стулья на камраде и в дверях, видущих в машинное отделение.

— Я лучше другую, что можно говорить не надо,—сказал Раевский.— Каждый из нас привык слова добровольно, каждым знает, для чего. Давайте, товарищи, решим крест! У него сердце не выносит боли, пустят убийц. А те, кто остается, кто решит покончить с этими грабителями, с вековыми нашими врагами, тот пусть дает слово рабочее в бою: не бояться! — Раевский помолчал.— А кто побоится... — он взглядел в лицо товарищам, как бы спрашивая их.

— Тот будем стрелять! — закончил за него Степовий.

Раевский нашел его глазами. Он был на пологоловье выше других.

— Да, кто побоится, то не только трус, но и предатель.

Раевский говорил, не повышая голоса, как всегда, сдержанно, четко заговорив словами, взвешенными каждую фразу, в поисках самого простого и ясного выражения мыслей. И от того, что этот широкоплечий сильный человек с такими умными, всевидящими глазами был спокойен, у него крепла уверенность в своих силах.

Козлаков посмотрел на часы.

— Зигнал, пора!

Раевский удалился.

— Да, друзья... — громко сказал он,—лучше два раза подумать и вовремя уйти, чем потом бежать...

Никто даже не шевельнулся.

Раевский внимательно осмотрел своих соратников от сапог до головы. Видно, что большинство из них не было на бою перед. Ружья держат магазинными коробками к себе, ремень так напянут, что руки не прорвутся. Ни по лицам видно, будто боевое. Вот. Вот хотя бы этот кудрявый парнишка, который на самой улике, винтовку прижал к себе, словно девушку. Глаза серебряные, но наливы, но-детьми оттопыренные губы выдают его семидесят лет...

Сзади худой рабочий в кожаной фуражке отвел за щеку:

— Переодумывай нам нечестив. Те, у кого гайка слаба, дома остаются. А кто скота привел, так не для того, чтобы назад ворочаться...

— Эх, братцы! — расстrel! — посмотрел на него Раевский.

— Божай-то исканд!

— Переодумай, друзья, осталым во дворе и всем выше решения. Командиром областной комиссии назначена меня. А вину виновных двух помощников, —

сказал Раевский.

— Черт!

— Степовий!

— Больше никого?

— Нет!

— Тогда выступаем. Те, у кого есть патроны, двигаются вперед. Эскадрон вперед, а остальные в засаду, а затем — из тылу. Каждый десяток выйдет своего командира!

— Еще бы!

— Знаем.

* *

Город спал.

Вдруг сквозь шелест ложня и журчание водя донесся короткий звук. А через несколько мгновений словно кто-то вспыхнул в залысины на железному крыше.

Каждый блокспокойный сторож заходил по посаду. Будил людей своей колотушкой, стучал в ставни, поднимал всех из кроватей. Затем, когда все были разбудлены, заскрипели стопняки. Заскрипели писали, хотя уже шла декабря. Людей не было видно, но их было слишком. Санином громко заговорили они. Но что у них было? Спасали? Кобальтами, но в это разбудили их разговорами. Они вскочили из шатаб в один голос, босико... Гут тебе не до сапог и пиньев — дай бы не унести ноги...

Цветаев спал на стволе. Кинжал на узанах. А по крыше штаба кто-то пасся, двинув отбивной тренажер.

Прямо перед лицом Кобальтского что-то сверкнуло и оглушило его блондину. Он метнулся назад и, согнувшись, побежал через улицу в ворота на- против.

В беспорядочный грохот ворвался равномерный и резкий стук. Это стротил из перекула по тюремным воротам Степовий.

— Вперед, друзья! — услыхал Раймонд мощный голос отца.

Он бежал рядом с ним через площадь, боясь потерять его в этой кромешной темноте. У портала Раймонд чуть было не упал, споткнувшись о чисто тепло. Отец уже во дворе. У входа и по углам тюремного корпса — фонари.

Из лавер стрельбы. Отец бежал туда, вытеснял вперед винтовок. Сзади — грохот сапог. Беспорядочная стрельба. Алые штыков. Кто-то убегал. Его настигли. Крики... В дверях короткая сквакта.

Раймонд разнесла вперед и ударила штыком защищавшегося от атаки легионера.

— Бей штыки! Круши их, в боях маты! — ревел Чобот, врываясь в коридор.

Как красы, врасплохенную спасались от его штыка легионеры.

Раевский бежал уже вперед по лестнице. Его опередил молодой парнишка со сбившейся на ухо кепкой.

Был Чобрем гремел по коридору:

— Эй, Потай, где ты? Отзыవайся! Наша взяла... Пота-а-а-а.

Дебошил мертвым по заднему двору, не бегу срывая с себя потоны. В ноги бросил один мисс: «Конец... Конец... Сейчас они вернутся снова. Куда белать?»

Дальше некуда. Туник, мясная стена...

Он влетел в заборную. Уже гнал его в зловонную смородящую яму. Он залез в старателльную жижу, заполз под доски. Чувствуй, что сейчас задолжится от изысненной вони, думая лишь об одном — жить!

* *

Тут же в тылу, в канцелярии начальника, состоялось короткое совещание. Здесь были все члены распыленной комиссии партии.

Степовий и любой друг умели бы сказать: Где Верба осталась у портала? Верба не только свою премурь отбила у легионеров при атаке на тюрьму. Крепкий Верба хлопотал около него.

— Возьмите меня к себе, — смущенно сказала ему Сарра. — Я буду выпомлять все, что вам мне прикажете...

Верба, на корточках проверяющий, свободно ли поворачивается пул-лемет, удивленно оглянулся на нее. Подумав немножко, убеденно ответил:

— Не бабье это дело! Пулемет — это вам не швейная машинка, баринка.

Сарре этот ответ оскорбил до глубины души. Она отошла от Вербы.

— Зачем вы ее обидели? — упрекнул ее Раймонд.

К ним подбежала Пинченек с группой рабочих.

— Гард, — виновница потоп-ра! — раздряженно крикнула она.

— Кто ударил? — спросил Степовий.

— Твой мэрзав. Нес от птицы...

— Ах, вспомни! — Дайбек! Вседе исканд — нету! А пленные говорят, здесь быва.

Верба вложила ленту, усмехнувшись:

— Степовий, сейчас дам оче-редь для пробой поверх крыши.

И тотчас же захлопотало.

— Все в порядке.

Степовий чмокнулся,

— Пинченек, беги в канце-лярию, скажи, что прой. А так все спокойно, панна еще не отудылься.

Уже в коридоре Пинченек услышал голос Раевского:

— Предложение укрепиться на заводе и в тылу и выжидать пока подоспят коллеги из инвалидов из города!

Надо действовать спрятанно, не давая им опомниться.

К утру город должен быть весь наш. Сейчас, когда они рассердятся, надо быть и быть.

Не забудь, что это полонина солдат в имени. Скорее они понянутся здесь...

Его прервало сразу несколько голосов. Все они были перекрыты басом Чобота.

— Хватит! Это же поносим: езжай, панна, там — будешь счастлив. Гони птиц в вокауз!

Все подмыкались, Раевский отдавал последние приказания.

— Подходим к воротам с винтовками пригнать сюда. Кто из арестованых желает, пусть воору-

5

мается... А вы, товарищ Цибула, берите на заводе коня и скакайте в Сосновку. Цыбела где-то застрял там... А ваши хлонцы пусть остаются здесь и помогают нам. Им сейчас дадут оружие. Вый, Чобот, берите пятьдесят человек и наступайте от фабрики Шипиловки до реки. Помогите им в этом! А мы, атакуем магистрат... Держите связь. Завтрашний день: «Согласен». Но забудьте: ревком помечтает на заводе. Передайте всем об избрании товарища Патты председателем ревкома. Совещание заканчивается.

Все выходили. Пинглодский задержал Раевского.

— А может мы, товарищ комиссар, жаждем по имению? Там ведь никого накроем. Ехали мы их в расход выведем, так дело веселее поедет,— сказала глаухо он.

— Ради бога, — вздохнула вдова несторинца немавиль толкнула Пинглодского на это предложение.

Нет, нельзя, позывем город, тогда лишь...

Пинглодский молча взял винтовку и с ожесточением стянул пояс с патронтиром.

В коридор Раевского поднялся Цибуля.

— Где же быть, звать за границу? — спросил он.

— Да, кроме того, — умылся Раевский.

— Так что я же поеду в Сосновку: еще попадешься им в запыночку. Тут мы вам подождем, а с рассветом и тронусь. Тогда виднее будет, куда они поедут.

«Осмотрительный мужик», — подумал Раевский.

— Ваши крестьяне, что сидят в тюрьме, тут десяти два наберется, ну и командуйте ими...

* *

Заремба остервенело крутила телефонную ручку.

— Алло! Алло! — кричала он, прикрывая трубку рукой. Стремясь приближаться. Поручни крутятся:

— Алло! Именин! Молчат, пас их мать. Уегали себе, а ты тут за все отвечаешься... Алло! Именин! Ни звука... — Заремба цинично выругалась.

Дверьх поиздева в Броня с парфюмерией в руках.

— Да бросите вы трубку, пане поручнику! Они же провода перерезали. Пойдите быстрее...

Со звоном посыпалась стекла.

— Вот видите, магистрат надо сдать. А то здесь передумаш, как в машевловке. Надо отступить к вокзалу. Эти бестии обходят со стороны фабрики Шипиловки. Возьмут в клещи, тогда не уйдем... А Могилевская южная гора — все в себе промышку сдадут туда. И половина отряда дернется в сторону Зарембы, берега с лесницами.

Свой рубашка на тело! — ответил Брана.

На улице Заремба остановилась.

Ну, подумайте, капитан, с кем воевать? Вот с этими сопляками? Тоже солдаты, псы края! — злобно сплюнув он.

— Что верно, то верно, пане поручнику. Будь у меня рота баварцев, я бы эту сволочь быстро утихомирив!

Заремба схватил его за руки.

Свой рубашка на тело и самым деле попросить немцев помочь?

Стрельба усиливалась.

— Не пойдёт. Разве только спровоцировать...

К нам подбежала несколько летчиков.

— Оин уже в Приречье, пане поручнику, — здыхаясь сообщила один. Молчать! — наизусть на него Заремба. — Эй, вы! Куда бежите, солдаты? — крикнул он.

Где-то совсем близко, заглушила все, загрохотал пулепет. Вперед на грудьми засыпали пули.

Теперь уже и Заремба и Броня побежали.

Впереди них беспорядочной толпой устремлялась легионеры. А сзади все приближалась, рвались вперед.

— Надо, задергать! — крикнул Броня. Вроня.

— Стой, инка! Ко мне пас ваша мати! — звонил Заремба и зашибно ударяя первого попавшегося револьвером по голове. — Ты куда?

Стой, говорю тебе! Я тебе побегу, пса твою мати!

Тот, кого он удари, зияягут:

— Не бейте, — это я, пане поручнику!

Заремба выругалась.

— Поручни! Зансковский! Где наши солдаты, а? Где солдаты, спрашиваю? Вы сморчок, а не офицер! Марш вперед!

* *

Неподалеку Броня тоже ловил убегающих. Постепенно они навели кое-какой порядок, засыпали вокзал и оттуда повели стрельбу...

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

НАША КОНСТИТУЦИЯ

Мы помечаем частушки, посвященные проекту сталинской Конституции. Этим частушкам, сложенным в колхозах Московской области и Кубанского края, записанным сотрудниками Государственного литературного музея.

Вьются флаги, вьются вьюмы,
Украшивают даши,
Нам зажигточную жизнью
Дал товарищ Сталин.

Конституции проект
Для советской родине.
Самый мудрый человек,
Сталин, обнародовал.

Раскурдяя березка
Сладкой влагой сочится,
Жизнь хорошая настала —
Умирать не хочется,

Мы не даром отстояли
Сны революции,
Все победы записали
В новой Конституции.

Всем колхозом обсуждаем
Конституцию свою,
Колхективно добавляем
В ней мы каждую статью.

Нет' такого уголка,
Нет' такого дома,
Где б не знали, не читали
Закона основного.

Конституцию читала,
Оней заметочки писала.

Нет в мире другой —
Конституции такой!

Красным орден серебрится
На груди у чабана,
Этим может похвальться
Лишь Советская страна.

Мы гордимся на весь мир
Нашими примерами:
Раньше были пастухами,
Теперь — инженерами.

То не стрекот журавлины
Над деревнико звичит:
«АНТ» — красавец малый —
Выше облака летят.

Наберу цветов букет
Передна златого,
Для отличника-бойца,
Для героя — Чкалава.

Ручейками песни льются,
В песник бодрые слова.
В Конституции даются
Всем большие нам права.

Я соруц цветочек алый,
Приютоц себе на грудь,
Дорогой товарищ Сталин
Выход нас на светлый путь.

ДЕТСТВО БОССЕРОНА

ЖОРЖ ДАВИД

В этот пасхальный воскресенье четвертей Холи, в один из суббот из дома сейчас же после завтрака (отварная картошка без соли, без хлеба, в чаду дымящегося сырого помеся) несмотря на уговоры и брань матери, выскочившей вслед за мной из узкой и угрожающей мальчику кухни, я вышел из Симоновской мальчуганки моих лет: это замечательные буддисты горожанка на углу базарной площади москательными товарищами.

В комнате, применявший к лавке, было ярко. Камин облицованый черным мрамором, не дымил, как наш очаг. Мы уселивались у письменного стола за широкими рабочими макетами красногвардейских чекистов-партизан, в шапки и костю, расхвачивали журнала «Дороги жизни». В четвере часа мат Симоне, городная женщина с усилиями, в неприменимом черном платье и чепце с длинными лентами, приводила в порядок в полосатых чашках золотые подсолнечные медальоны с изображением бисквитами. Мне хотелось дочитать «Прекрасно! Французский Кутюр» (Симоне не позволяла уносить эту книгу домой); интересно было узнать, убегут ли из «Жестокой сказки» юные племена снуков Материя.

Пока Симоне искала носки и колдунья ставившая для игр, я, прислонившись спиной к столу и повернувшись животом к огню, открыл книгу и начал ее читать с грохотом по мере «сокращения» и приспособления для восприятия взрослого Альфреда-Мак и Сипа, в Туфе. С улицы доносился хрип ребятишек. Бронзовы часы под стеклянным колоколом, опущенные внизу желтой синелью, пробили половины. Я вспомнил, как мат утром сказала:

— Нынче ты пойдешь с отцом в Кудро. Там ему нужен. Я знала, что он прибывает за мной и тут же на глазах матери Симоне, оттолкнув меня по щекам. Но мне хотелось укрыться хотя бы четверть часа, чтобы не видеть, как в течение десяти минут почтумствуют ее стыд же быковаты, как Симоне.

В лавке робко засидевшая подолгу хозяйка. Всюша прогодрила сестру, а рядом головной шарф. Она пришла за мной.

— И попадет же тебе — сказала она, шаркая по тротуару равниной наизнанку.

Мы вошли до нашего дома. Он стоял, в конце централа, за изгородью огороженного Бло. Не дом, а жалкая избушка, хибарка. Единственная комната вибесела известной. Четыре кроны. Дверь с дырой.

Мать моя висела. Подняв голову, она сказала, что я — сама виновница и надела башмаки. Отец в дешевом пальто, в широких синих штанах кро-вильца, сидел около маленького окна, положив руки на колени.

Сестра Адельла сидела на изголовье из-под шара моих колготок. Она была куньем на распродаже ко дню первого моего причастия и склоняла голову. А до Кудро было далеко, больше але.

Я уже чувствовала, как в новых башмаках отекают ноги.

Матьническая мой берет и замок-лок на макушке под подбородком, короткие бахромистые пальчики, перчатки. Где говорят им слова, она подсказывала нас обеим — меня и отца.

Чтобы выйти на дорогу в Кудро, минуя рыночную площадь и главную улицу, отец сделал крюк и пошел вдоль Французского бульвара. Мама, говоря про «Зеленую деревню» и здание железнодорожники, мы шли на дорогу, не защищенную деревьями. Нас начали хлестать жестокий ветер.

Отец молчал. Сдинув фуражку немного на бок, закусив руки в карманы, он шаг, слегка волоча по приподнятой ноги. Я висела губы, чтобы не закричать, так жал правый башмак...

Жорж Давид — член французской ассоциации революционных писателей и поэтической сотни журнала «Коммуна». Его романы «Двести тысяч человек» (1923 год) и «Параллель» (1927 год) ярко рисуют жизнь бедняков в французской провинции. Последний его роман — «Мезон-Бородинский переход», отрывок из которого приводится в книге, посланной читателю, посыпанной табаком, посланный той же темой. Автор чрезвычайно интересен тем, что показывает жизнь подростка, перебравшего вместе со своими родителями, разорившимися крестьянами, из деревни в маленький городок. Там юноша становится рабочим и вступает в ряды борцов за французскую класс.

Новый роман Давида, написанный, как всегда, с тараброй язвительностью описанной среды, получила высокую оценку Р. Роллана.

Мы находились в Кудро, в господину де Шампо. Отец хотел просить господина де Шампо устроить ему занятие-нибудь местечко, испеплено калюе, лишь бы можно было заработать на кусок хлеба.

Мы были бедны, может быть, беднее всех в городе. Мы часто недоедали и были должны за шесть месяцев за квартиру старухе Бло. Отец, по специальному креольски, постоянно работал на строительстве, особенно на участке, где велено работавший на креольски, только что вышел из районной больницы после операции туберкулеза.

Выездное образование шло медленно. Валенсы лишь начали его работы. Его клиентура перешла к Ренару, с Нижней улицы, это было как раз по времени, когда философия покинула виноградники и разорила крестьяне, время плохих заработков, время прекратленной индустрии.

Мать испомнила о господине де Шампо, члене богатом, уважаемом, достойном чина генерального консулства. Она сказала, что де Шампо некогда бедняком, но теперь, работая на строительстве, стал богатым, даже богатее Боссерона. В течение долгих лет одна из моих старых дев, служившая в Кудро кухаркой. Господин де Шампо был родственником моего отца; они вместе возвели в 1870 году; по времи Аудицкой каминами господин де Шампо был в члене купеческого общества, состоявшего из родовых в западном полу.

Когда господин де Шампо встретил моего отца на базарной площади, он веселился с ним затеянной.

— Ну, как дела, Боссерон? Все в порядке?

Иногда называл его просто Люденом.

Отец, возвращаясь вечером домой, сейчас же сообщал:

— Я сегодня видел господина де Шампо; он называл меня по имени.

— Это мой отец, — отвечала моя мать. — Хорошо, что он жив.

Я видела господина де Шампо. Я встретила его однажды в прошлом году. Он напоминал мне тело сапшина, чопорным, изящным, изысканным, он напоминал военного, одетого в штатском.

Отец шел молча. Нам повстречалась каменщица. Прислонившись к группе битого щебня, он угрюмо посмотрел на нас и не ответил на наше приветствие.

Начальница правил нога давала себя знать все больше и больше. Время от времени я останавливалась, чтобы расширивать ботинки, становясь на ноге двери по тропинке, поросшей травой. Чтобы окончательно избавиться от этого, я заставляла себя сидеть на крыльце господина де Шампо.

Он был капитаном в семидесятом году, господин де Шампо? Он кончил Сен-Сир?

— Нет, отец отец — его избрали большинством голосов. В запасной части начальники выбрались голосование.

— Вам все голосовали за него?

— Да, — мыслился болтать, у кого дома много слуг, кто умеет разпоряжаться.

Грачи пришли нашему приближенному заставить вставать и снова вспомнили нас прошлым. Я видела господина де Шампо в монастырской школе при раздаче наград. (На будущий год меня уже собирались взять оттуда, чтобы отдать в учение к какому-нибудь барону, мессенджеру или пасты скоту у крестьянину.) Так вот тот, что разбросал нас прошлым...

Я испомнила этот яркий ноябрьский день. На большом, разукрашенном флагами монастырском дворе собирались крупные землевладельцы округи: господин де Шампо, баронесса Бебо, господин де Маллеттер, Играя музыка: рояль, флейты, гобои, скрипка. Как прекрасно звучали

Рисунок Г. Васильева

— Говорите, но только скорее. У меня нет времени.

они тогда! А на астраде пять или шесть ребята разыгрывали спа-
рижскую оперу буффонаду «Свадьба Сильвии», поставленную под
руководством монаха — брата Феликса. И играл Перро; читал стихи
длинного пролога, я вспомнила публику и в течение трех актов не схо-
дила со сцены. Я удачно сыграла почетного приза и лестных отзывов. Ни-
кий маленьчика, сми крахмальную Бессонову, я бы опльела уксусом.
Подружка моя, Мария Григорьевна Григорьева, Григорьевна Шаша,
принесла чисто в своей парфюме, подпела к моим песням и поддарала ее. У него были великолепные, тщательно расчененные седые усы и фи-
лометный галстук с белым горошком. Положил затянутую в перчатку
руку мне на плечо, он резким, отрывистым голосом, которым тогда мыс-
ливались, произнес:

— Интересный ребенок... Возможно, мы из заемщиков.
— А вот и нет, — сказал я, — я из заемщиков с целью, чтобы я ему
помог проектнести.

До Куды оставалось еще шестьдесят метров. Дорога поднималась в гору, среди домов местечка. У табачной лавки нас чуть не искала со-
бака. «Плохая примета» — проворчал отец. Дальше дорога шла подол-
ькою стены парка, откуда свисали почвенные тоистые ветви
деревьев. В глубине, за небольшой площадкой, настремились открытое
левыми воротами с облезлой позолотой ворота в алье, усыпанном аль-
ней цветами.

На морском бульваре двере было ни души и только скамья, скольз
кошечкой, краями покривелой черепичной крыши, кукура в каскетках фран-
цузов запирала лопацкой в английской экипажи. Отец был знаком только
ко с одним из слуг, по имени Флюз. Он спросил о нем проходящий
молодой женщины, подавленной вместо фартука трапезкой. Но женщи-
на прошла, не отвечая. Я спросила отца, что это за женщина. Он сказа-
л, что это одна из сестер Флюза, с высокими паранджами под самым подолом. Над
ним находилась блондинка, покрытая по утрам хмом. В самом конце
дома, под виадуком, краеми аистинами панктиками, висела колонна с жи-
лельной цепью, прикрепленной к стекле, или в монастырской школе.

Отец пошел искать Флюза и, не найдя его, вернулся. Я больше не
чувствовала боли в ноге, но дрожал от холода: бабушка лежерина не
согревала.

— Как бы нам разыскать Флюза? — беспокорно повторял отец, зави-
кливая кисти руками, чтобы согреть пальцы.

Кто-то крикнул из окна проходящей волны изавеса. Этот маленьчий человек
волосатом юнцом и был Флюз.

— Что там еще? — спросил он раздраженным голосом.
Отец снял фуражку и назвал себя.

— Бессонов... Бессонов, проявляемый. Я поденки работала у вашего
отца в Европе, когда он отстраивал ригу.

Над головой фуражка открыла спираль, кельян ли повидать господина
де Шампо. Флюз поклонился.

Мое сердце, но всей верности, не смогло удалить вам вре-
мени: сегодня он дает в честь юхты юхты. Впрочем, попытаемся.

Чтобы согреться, мы прогуливались по склону аллеи.

Наступили сумерки.

Наконец, Флюз позвал нас. Он выставил на ступеньки по каменной
лестице впереди себя золотую чашу с извивами, которую я видела
в Бло, было старо. На медных подставках сидели извивы с извивами, тако-
же как у нас, но только не чадившего, плава в яркий огонь.
Вокруг длинного прочного стола, заставленного посудой, суетились
судоможки, стуки деревенскими сабо по черному асфальту. Флюз ушел,
и мы остались внизу один, ожидая у лестницы, рядом с большой бе-
лой собакой, которая терлась у наших ног и лизала руки.

К нам вышел крайне обезображеный господин де Шампо.

— Вам хотели поговорить со мной, Бессонов? — говорил, но только
сквозь. У меня нет времени.

Теребя пуговичами пальца, отец обяснял, что он принес вопрос о том, что
установлено де Шампо налог-внебюджета местечка. В Пом-Блано больше
ничего делать не заработал даже куска хлеба. Он пришел к нему
как старый знакомый, знайший его со времен их совместной службы
в полку.

Господин де Шампо сразу же испытал. Он был, очевидно, не в
духе.

— Местечка, местечка... Частное слово, какие вы все странные лю-
ди! Вы обозреваете, что я собираю эти места... Но какое же вам
нужно место?

Судоможки, переворачиваясь у длинного стола посуду, прислушивались.
Я вспомнила смотреть на золотую чашу на белом жилете господи-
на де Шампо.

— Может быть, найдется какая-нибудь работа на железной дороге
или таможне, мне все равно... — пробормотал отец.

Засунув большие пальцы в прямые жилета, господин де Шампо
сказал вслух:

— Вам все равно. Смешные люди! И потом хорошо благодарность
за работы о вас! в прошлом году устроил в Париже Гадю. Он
оказался очень честным и честолюбивым. Стало быть у меня из-за этого не-
приятностей. Ну ладно, посмотрим...

Отец расхрабрился и подтолкнул меня спереди.

— Это мой маленьчика, тот, что — помните? — участвовал в пред-
ставлениях в школе!

— Ах, да, да... Остинко, отдохни!

Господин де Шампо достал из буфета бутылку, уже на три четвер-
тилитра пропитанную водкой, налил нам напоминко линза
и глянул в глаза. Мы сказали остаться нам, и пока мы допи-
вали стакан водки, судоможки смотрели на нас.

Когда мы выпили на площадку Аистинки, я надел фуражку; отец
сделал это только тогда, когда мы отчуждались от ограды.

Спустившись с горы, я склоняла голову в ноги. Надиная-
лаас спрятала ноги, и склоняла голову в ноги.

Издала тишина в склоне, а отец молчал. А что склоняла ноги, когда мы

вернемся? А сестра со своим проглатываемым, срадчальным газза-

ми? А бабушка Виржини, всегда так близко привинчившая к сердцу
все наши неудачи?

Я считала, что господин де Шампо все же был изыскан невзирая на
свою заносчивость, меня больше поразило, что он так мало обратил
внимания на меня.

Видимо, из сил, я присела на замки. Мне хотелось снять боти-
ни и покутнуть горячую ногу в холодную грязь.

Как хорошо было бы сейчас спать у Симоне за ширмой, перед тле-
ющими углем, пить молоко, подслащенное медом, читать «Прерии».

Фенимора Кулеру.

Вдруг отец вскрикнул:

— Гам, кто-то едет!

По проселочной дороге, подпринятых на колесниках, ассасас тяжелая
с вином машина приближалась. Одна из колесниц перед нами на большую дорогу,

Отец крикнул в темноту. Это был Жильмен-булончик, которому мы
тогда были долны. Он обернулся, приподнял лошадь и подвинулась,

уступив нам место на перекрестье.

Отец и смущение извинился:

— Я больше хочу из-за мальчика. У него ноги в крови. Что

кается, меня?

Извиняясь что слышит булочин, но он молчал, шевеля вожнями,
мы не уплатили ему за хлеб?

Перед вездом в город лошадь, видимо, по привычке остановилась у
гостиницы. «Зеленый крест».

— Не пропустите ли нам по стачанчику? — просил Жильмен, закру-
тился вожнями вокруг тормоза.

Конечно, отец думал бы предложить стаканчик вина. Вполне есте-
ствено, что тот, кто сделал нам одолжение, мог рассчитывать на
полагательства вина. Но были ли у отца шесть су, чтобы заплатить за
полагательство?

Стал около стола, обтянутого кленовым, отец пил вино и, обычно
молчаливый, безумолчно болтал с Жильменом и хохолью о выборах, о
своем, что интересовало политиков. Гамбетта и Юлья Флори врас-
ках, вспомнили по обе стороны берега. От дяди подошли к нему, чтобы
также рассмотреть из поближе. Тогда булочин, показав плечами, до-
стал шесть су и бросил на них стол.

Мы сидели с отцом по темным бульварам. Я спеша за ним, позабы-
ла о своем ноге, не чувствуя холода: белое вино горячим голову. Сего-
дня, для меня, неизвестно по полстакана вина, которого не пила уже
шестнадцать месяцев. Я забыла себе вопрос, будет ли мать довольна от-
ветом господина де Шампо. Я шептал: «Я пьяна, как чилик». Мне
хотелось лететь песенку пьяни:

«Мы пьяны, мой младший,
Мы пьяны, мой младший».

В конце улицы, сквозь изгороди и низкие стены палисадников, вид-
но было подавленную на дорогу светлое пятно. Это была открытая дверь
наиболее изысканной из квартир отеля.

— Еще несколько шагов — и мы дома.

Я сплюхнула о порог, и тут только почувствовала боль в ноге
Хэмбелл прошел.

Мать не решалась спросить о результате нашего путешествия. Она
модестно доставала из чулана кружевной, покрещенный картофель, «кар-
тофель для синий». Отец тоже молчал... да и что он мог рассказать
дорогому?

Много прошло с тех пор тяжелые часы, много бесполезных дней.
Солнце, которое садилось позже, чем тогда, омыло Симоне спаси-
тельной дневной косметикой моей матери. Симоне кричал: «А? А? А? Пом-
нили ли ты день, тот, when, когда...?» Отец запомнился тот вечер,
вернее, та ночь после крещенской армады. Да, мне запомнилась эта
ночь: мать убежала от нас и хотела броситься в воду.

Начало зимы каждый год жестоко было нас по требу.

Мы пузы с головой. Бульончи Жильмен, бывало, как только зави-
дит, что мы идем по улице, запирая дверь.

Отец страдал болезнью в животе, который, как я вспомнила, болел от
Бульончи Жильмена, который пойдет просить мальчишество у дверей бага-
чей, как мусорщины с ярмарочной площади. Она оскорбила отца.

С перекошенным лицом, перегнувшись через стол, он ударил ее по лицу
и обессиленный, упал на стул. Мать, как безумная, бросилась из ком-
наты и побежала к городе.

— Беги за ней! — сказала бабушка.

Сестра вспомнила вслед за мной, хотела меня зогнать, я грубо
отдернула ее и убежала, забыв о нагороди — огороди.

Миновал мальчишую, матерью платаном блестел в лунном свете. Мать
лежала на ограждении. Вероятно, она самаила ноги шаги, колени
глубоко спущены до дороги, а я, бежала, сунув ноги в дырки, отдаление
от которой не смыслила, вспомнила восток этого теплого пятна.

У забора этого востока я повернула еще раз и ускользнула своей бег-
ицей-нубицей двадцать метров. Я промчалась до ее тени ка-
ки-нубицей.

— Беги за младшей! Она не сможет, она не сможет».

Я ее догнала, когда она остановилась, расставив руки, прислонясь к
дереву какой-то рябине. Она расторопно посмотрела на меня, прозевав
мое лицо по моему лицу и, не говоря ни слова, вернулась до
моги обратно в склон.

Я шла, насторожившись, позади, готовый каждую минуту загородить
дорогу, если она вдадумает снова повернуть к бассейну.

Перевела Е. Сорокина

Пулеметчицы Зина Даниловская, Татьяна Матвеева, Вера Светлова, Саша Агапова и Зоя Булыонкова на учении.

Начальник военно-учебного пункта тов. Акиньев терпеливо учит девушек и часто любит повторять:

— Пулемет надо изучить, как выучивают азбуку, — это первое.

Но это еще не все... Мало знать пулемет, его материальную часть, надо уметь владеть собой...

Люди, побывавшие на гражданской войне, спрашивали на пулуметах в боевой обстановке, рассказывали, что это совсем иное дело, чем, скажем, стрельба в тире, на стрельбище... От пулеметчики требуется холосасмия выдержка: нужно, вопреки острому желанию немедленно открыть огонь, уметь молчать до поры до времени, с тем чтобы использовать удобную силу пулемета с предельной дистанции, быть может, в взаимодействии с другими пулеметами, с ружейным огнем.

И тут необходимо здравохвorne, крепкая воля. Вспомните чапаевскую Аику...

Изучение пулемета раскрыло перед Марусей Антоновой, ткачихой Зиной Даниловской, чертежницей Верой Светловой и другими из команды девушек новое горючее. Учиться приходилось не только пулеметному делу. Хорошей пулеметчице нужно знать, например, математику. Затяжная метка учащая пропадала сейчас с особенной силой.

У Риты Козловой давняя страсть к военной технике. Еще в своем родном городе Юрьевце на Волге поборола она военные поклоны, стреляла. Рите очень хочется служить в Красной армии, пойти в школу лейтенантов.

Жизнерадостная, вдумчивая Рита живет на пражской жизнью. День ее проходит в медпункте фабрики, она медицинская сестра. Рита любит свою работу не меньше, чем занятия с пулеметом.

Поздно вечером приходит она домой. У нее нет своей комнаты. Она снимает угол в чужой семье...

— Ну что тебе даст этот пулемет? — говорят ей в квартире. — Не женское это дело, ни специальность для тебя...

Рита отмахивается. И в следующий день она еще серднее занимается «Максимом».

Маруся Антонова, ткаиха, застенчивая девушка, говорит:

— Не могу об'яснять, почему заинтересовалась пулеметом. Но знаю, что нужно это.

Девушки уединялись за пулеметом старательней, чем допризывники. Они читали каждую часть так, словно собирались послать стальной, отслуживший свой боевой век пушечки на проверку парчому обороны.

И пришел день, может быть, один из самых лучших дней в жизни тринацдыятых молодых рабочих. Процессия с девушками, начальник военного пункта Акиньев сказал, что если дело дойдет до драки с врагом, то он, Акиньев, просит командование взять девушек с собой на защиту транциц.

Девушки с неожиданностью вспоминают дни, проведенные ими на военно-учебном пункте, на стрельбище в Кускове, где жили они одним здешним: из возможных шести попаданий сделали все шесть.

Тринацдат девушки мечтают о том, чтобы как пулеметчицы, взяли на воинский учет. Счастливая Рита Козлова: она на учете, как квалифицированная медицинская сестра. Правда, Рите очень хочется, чтобы в военной книжке было записано также: пулеметчица Маргарита Никандровна Козлова.

— Представьте себе... — Рита улыбается, — что я сопровождала отряд раненых, который подвергается нападению врага. Разве это плохо, если медицинская сестра сумеет защищать своих раненых?

Девушки мечтают поступить в школу снайперов — совершенствоваться в трудной, требующей мгновенной ориентировки стрельбе.

Член партии Лиза Алатрянья, комсомолка Зоя Булыонкова, стакановка-ткачиха Зина Даниловская, чертежница Вера Светлова мечтают стать наравнотехниками, чтобы быть врага с тильдой. Они уже не довольствуются стрельбой по неподвижной мишени. Они ждут не дождутся, когда с бешеным ходом тачанки (так Потки в «Чапаеве») они будут стрелять по живой мишени, пусть это будет комы «сыни...». Они мечтают о маневрах с быстрыми

маршами, атаками, перекодами через реки, через дремучие леса...

Наши пулеметчицы молоды. Но из книг и рассказов стариков они знают, как жила «Трехгорка» до революции.

Как живое воспоминание о декабристском восстании 1905 года встает перед пулеметчицами образ тети Дуни, «старой текстильщицы Елодии Петровны Салтыковой-Старостиной». Она участвовала в баррикадных боях. Муж ее был расстрелян на дворе фабрики. Его фамилия высечена на мраморной доске. И часто останавливаются перед этой, винченной в красную кирпичную стену памяткой Зоя Булыонкова и Рита Козлова. Они пересчитывают фамилии молодых товарищей, стрелявших из-за стены, между камней, опрокинутых фантонов и землей с землей из драконов «бульдогов» и смитеческо-финских винтовок.

— Им мы пулеметы — тогда и дело вились подругу, — говорят девушки.

Но больше всех привлекает девушек образ геройической Ани.

Когда на стрельбище кто-то дал из шести три попадания, Рита Козлова заметила:

— В боевой обстановке надо из шести дать все шесть, как у Ани, помните...

Ани привлекает наших пулеметчиц своей грачностью, преданностью партии, мужеством, чумом. Они гордятся тем, что Аника — тоже текстильщица.

С величайшим уважением говорят они и от испанской Анике Аиде Дафранте, пулеметчице одного из отрядов астурских горняков, уничтожившей в 1934 году мир своих героев. Испания занимает большое место в жизни наших девушек. Каждая солдат с фронта Мадрида, Гадаринта, Овьедо обсуждается, изучается, осмысливается.

— Побольше бы самолетов и пулеметов республиканцам! Ведь сколько людей можно научить стрелять из пулемета по врагам, «люди же женщины могли бы стать пулеметчицами...» — говорит задумчиво Зоя Булыонкова.

Пулемет — это вторая, запасная специальность наших девушек.

Когда девушки об'являют своим родным, что они изучают пулемет, родных это не удивило. Не удивлялся родитель Антоновой, Афонкин, Козловой, когда их дочери в числе других отправились в военизированный поход Москва — Иваново — Ленинград в противогазах. Интересы дочерей стали им близкими. Устали после отработок на стрельбище Зоя Булыонкову еще на пороге встречали вопросы:

— Ну, как сегодня, сколько дала?

И, если из шести было три попадания, отец удовлетворенно замечал:

— Нехорошо, подтянуться надо.

Изредка он произносил над дочерьми:

— Не выдергивайте на фронте, убежите. Это здесь в Кускове, хорошо стрелять.

Ему нравилось, когда дочь взволнованно и гордо защищала свое достоинство, свое право быть пулеметчицей.

Через год — да, большинство из тринацдатой пойдет учиться.

Вера Светлова учится в 8-й группе средней школы. Рита Козлова готовится в горный институт. Маруся Антонова учится в ставропольской школе при фабрике. Зоя Булыонкова пойдет в машиностроительный институт, а Лиза Алатрянья будет совершенствоваться в слесарном ремесле. Но своей новой специальности они не забудут. И может статься, что запасные сейчас профессии пулеметчицы, когда это потребуется, станут основной.

Большевистский план реконструкции Москвы превращает Красную площадь в один из грандиознейших архитектурных ансамблей мира.
На фото: один из проектов реконструкции площади, предложенный архитектором А. Т. Мордвиновым.

ТРИБУНА МИРА

Очерк В. ВИКТОРОВА

Куряты, простреленные пулеметной очередь, больше не играли «Коль славен» и «Пребраженский марш».

У потемневшей стены построенной в 1491 году князем Алексеем, когда она имела четыреста восемьдесят павильонов, при взятии Кремля.

Стрелки, дрожащие изуродованы Берис, смыслия кремлевских мастерских, полузасыхая, задание исправить часы.

В 1623 году английский мастер Жакоб Годин поставил на Спасской башне часы, имеющие в ширину три с половиной метра, в высоту — три метра. Гигантский механизм приводился в действие семиподвальными гирями.

В 1910 году слесарь Берис заставил поклониться часам на дверях кремлевской башни группе демонстрантов сбрасывавших памятник величайшему князю Сергею Романову.

— Праздники, давни ходят бурять отсюда исторический хлам, — сказал Ильин, сам ухватившись за переко, помощь которой собирались ставить.

Этим открылась новая история Кремля и Красной площади, где, начиная с XIV века, совершились и совершаются крупнейшие исторические события.

История площади — это история Москвы.

Оно же первых упоминаний о Москве встречается в летописи 1147 года. Суздалский князь Юрий притащил свою злату сооружавшим Святое Городище: «Приди ко мне, брате, в Москву».

За бренчечатыми стенами Кремля расстилались залежи луга и пашни. За стенами Кремля кончалась Москва.

Площадь могла помянуть только тогда, когда жителям Кремля ста-

ло тесно в бревенчатых стенах. Возле крепости начали строить дома, но особенно далеко, чтобы можно было в случае опасности укрыться в Кремле, но и не слишком близко, чтобы не ослабить боевой мощи крепости. Так возникла Красная площадь.

Площадь имела в то время еще одно название — воинское: «Приступ».

Почему площадь получила название «Красной», до сих пор точно не установлено. «Красная» — значит парадная, чистая, а это место не отличалось в то время ни парадностью, ни чистотой.

Но раз называли Красную площадь и подступами к Кремлю называли народные толпы. Здесь разыгрывались бытуты: «солдаты», «мездрые», «турецкие».

Причины появление бунта воинам рубили головы на Абом месте, как гласят легенды, а под стенами Кремля.

Убирали Кремль от разгизанной народной толпы могли только каменные стены Кремля часто горели и были для военной обороны мало приспособлены — это также требовало возвведения каменных стен.

Итальянский архитектор Антонио Салари начал постройку каменного Кремля что образует мицкской крепости. Над Красной площадью возвышаются боевые башни: Угловая, Арсенальная, Сенатская, Спасская, Набатная.

В 1589 году строитель Постник закончил храм Василия Блаженного, воздвигнутый на месте победы Ивана Грозного над Казанью.

К тому времени окружительно склонилась обширная площадь. Невысокие стены, болезненно Сократил ровы лавы, торчавшие шапками, рухнувшими, рымбы... Первым рядом был Ножевой. В этом ряду торговали холодным оружием.

Красная площадь была центральным рынком страны. Площадь эта стала ядром, из которого выросла Москва, ее первые, первые городские дома. Отсюда прошли главные улицы. Весь город до сих пор сохраняет форму огромной площади. Москва — город-ярк.

Торг на площади в XVII веке.

Красная площадь в середине XIX века. (С травоядами того времени).

Все культурные учреждения зарождались здесь. На Никольской улице появилась первая русская типография. В 1563 году здесь открылась Греко-латинская академия, в которой обучалась царевна Елизавета. В 1618 году на площади была выстроена первая больница.

Здесь виден первый театр. На планах Москвы 1600 года Красная площадь выглядит так: с восточной стороны — деревянные торговые ряды, с западной — каменные стены Кремля. Широкий ров отделял Кремль от площади. Вход в город вел из деревянных ворот. Тут же было кладбище. От Спасских ворот к Ильинке вела узкая бревенчатая мостовая.

Прошло еще сто лет, и рисунки, дошедшие до нас, передают ту же бесподобную картину. За это время торговые ряды приблинулись к самим стенам Кремля, а вход в город, до лавок в здешнюю погоду было трудно проходить, все еще не была замощена и освещалась нескользкими масляными фонарями.

В 1749 году было сделана попытка освободить площадь от лавок. По царскому указу, купцы, которые не могли пристроить каменные лавки, должны были установить свою честолюбивые гостеприимные конструкции. Но все эти попытки, начатые еще Иоанном III, не приводили ни к чему. В единоборстве деревянных лавок с каменным Кремлем неизменно побеждала лавка. Надо было Наполеону взять Москву, для того чтобы площадь, наконец, очистилась. Поняв уничтожила этот кулический лабиринт.

Засыпал старинный ров, который не мог задерживать вторжение наполеоновской гвардии. У Кремлевской стены, выходящей на площадь, разбили бульвар.

Вот как, по свидетельству современника, «вот как Кремль захлопнулся в середине 19-го века»: «С утра до вечера волочится вокруг Лобного места пестрая, разнородная толпа народа: стучат и гремят мастера, слышат со всех сторон всадники, танутся бесконечные обозы. Хотите ли вы видеть кого-нибудь из наших знакомых? Поехайте на Красную площадь».

Здесь, кстати говоря, располагался центральный рынок страны. Генеральное название площади производили от «Красных рядов».

Взятие Кремля. С картины художника Э. Айснера.

В последний раз пытались использовать Кремль как военную крепость во время петровской войны со шведами. С тех пор, казалось, запах крови и пороха окончательно вытеснился из этих мест. Но вот прогремела бомба Калгева, ветер с Замоскворечья донес сюда аромат баррикадных боев.

27 октября 1917 года кончера, закрывшись на Красную площадь, встретили пулеметным огнем покидающих Красную площадь красногвардейский отряд.

Так началась последняя осада Кремля. Тридцативеков были по древним стыкам с Воробьевых гор. С крыши торговых рядов строили пулеметы. 2 ноября в 1 час 45 минут отряды

Красной гвардии начали атаку. Бойцы замнули на Красную площадь, и народ взял Кремль штурмом раз и навсегда.

Через несколько дней у стены хоронили павших бойцов. Джон Рид, американский журналист-революционер, так описывает первую свободную демонстрацию московского пролетариата: «Наступали сумерки, а все еще развязывались сражения, все еще брались перед погородный мостик и отчаянно пытались пройти».

Джон Рид, умерший от тифа в 1920 году, был похоронен на Красной площади, недалеко от братской могилы. Архитектурная стена стала местом погребения лучших бойцов мировой революции. Она принесла прах Свердлова. Во-

По Красной площади идут войска. Здесь, перед лицом великого Сталина, происходит смотр могущества нашей родины.

ровского, Клары Цеткин, Кирова, Куйбышева, Горького.

В музеее, в здании которого несменно стоит часы, лежит Ленин. 27 января 1924 года тело Ильиша привезли на Красную площадь. Жгучий мороз, казалось, готов был расколоть древние кремлевские башни. В 9 часов 30 минут по кремлевским часам вступили на Красную площадь первые ряды демонстрантов.

И целый день мимо постамента шла и шла нарочитая масса, отдававшие последний долг Ильишу.

Майский пинет:

«Здесь
каждый камень
Ленина знает
по топоту
первых
октябрьских атак.
Здесь
все,
что каждое знамя
вывело,
задумано им
и велено им.
Здесь
каждая башня
Ленина слышала,
за них
попала бы
в огне и в дым».

В первые годы после смерти Ленина мавзолей был деревянный. По проекту архитектора Шевцова был выстроен каменный мавзолей. Теперь, вылезающий от мавзолея помещается музей, где показаны во всей широте и глубине подготовка к proletарской революции и борьба за нее. Этот музей носит имя Ленина, потому что в этой борьбе прошла вся его жизнь.

Новый смысл получило старинное название «Красная площадь». Но это не подразумевает Красной земли, что она стала центром великих революционных событий, центром мировой истории.

Появление эта высочайшая трубач земли, и слова, произносимые здесь, разносятся по всему миру. Нет народов на земле, делегаты которых не прибывали бы на Красной площади в торжественные дни праздника победы великого социализма.

В поднимавшиеся грани мавзолея отражаются шествия миллионов, из году в год демонстрирующих перед глазами Стalinом и его соратниками рост и величие социалистической родины.

Идут автобусы и фабрики, рапортуют надписями на знаменах о бесчисленных пропавших величиях победах. Идут колхозники. Их транспаранты рассказывают об успешной борьбе за спасение урожая. Идут люди искусства и науки...

Так же, как по узким деревянным мосткам двинулись нестройные ряды стрелков, сейчас, в дни парадов, во всю ширину бруствор мостовой науту механизированное части Красной армии.

Грозная мощь страна социализма пронистится по площади в образе современных и умных людей, в виде ярких красных флагов с рулеми, на которых автобусы, на наших материалах. Самолеты роняют над площадью, ведомые бесстрашными летчиками.

По Красной площади идут делегаты пятидневных, советских, комсомольских съездов. Недавно мимо мавзолея прошли лучшие люди нашей страны — делегаты на Чрезвычайный VIII съезд советов, который примет великую статуэтку Конституции.

Пространствуется Москва. Вместо узких улиц и переулков прокладываются широкие асфальтовые проспекты. Вырастают новые дома. В реконструкции Москвы предусмотрена и перестройка Красной площади.

«Красный павильон» — это один из коротко определена эта задача. Для этого территория Китай-города будет обособлена от мелких застроек. Торговые ряды будут окончательно убраны с площади. На обособленном месте вырастет несколько крупных зданий государственного значения.

Красная площадь станет одним из величайших архитектурных ансамблей земли.

На Спасской башне каждую пологу аршине куранты разносят по Красной площади, по всему миру звуки «Интернационала».

На фронт (фото Гонсаны. Испания).

Слава храбрым

Б. РОЗЕНЦВЕЙГ

Их много — бесстрашны юные бойцов за свободу своей страны. Они, не задумываясь, отдали свою жизнь, не спасаясь, идут в атаку. Коротко боевые приказы из фотографий этих людей, полны, о которых они сами стесняются по скромности гордости, — и есть летопись борьбы свободного испанского народа с армией фашистских палачей.

ЭРГИДО — КРАСНЫЙ СОКОЛ ИСПАНИИ

Красный пилот Арагонии — Эргидо. Молод, стервен, всем опасностям и всем подвергся. Алано. Владеть с любым летом. Стал подпольной работы. Тюрем. Участие в боях астурийских горняков. Организации первой летной школы народной милиции. Эргидо — красный истребитель, гроза фашистских макетников, мастер летного дела, о котором все национальной авиации говорят с восторгом и пренебрежением.

Недавно барселонское радио известило весь мир о том, что республиканский истребитель встретил три вражеских самолета, принял бой, уничтожил одного из них и двух обратил в бегство, не потеряв ни одного пилота.

В воздухе он обычно проплывает товарищими фигурами звездного пилотажа, головоломной пируэта, Петлан — сестра Эргидо. В то же время пилот — энзя того, что боевое задание выполнено. Возвращаясь с любой операцией, Эргидо дает еще и звуковые знать о том, что все в порядке. И чем больше петь, тем

удачнее значит, проведена операция. О нем так и говорят: Эргидо пишет в воздухе rapport и побеждает.

— Как дела, Эргидо?

— Все в порядке, товарищ. Летал над Сагаросской, обстрелял зенитный парк из пулеметов, целился в группу офицеров. Представьте, это дурачко забыло даже воспроизводиться зенитным орудием.

И в глаза вам скроет такая ослепительная ульба, что кажется, упади она на красное ярло стоящего рядом самолета, на крыле замертвеет.

ФЕРНАНДО ДЕ РОСА — БОЕЦ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Фернандо де Роса белка из Италии, преследуемый по пятам фашистскими шинками, хандлерскими гончими, палачами итальянского народа. Пеший говорят слово Генуя он смешно на горланье, жестко произносят Очи-это.

Де Роса стал своим человеком в горнищах дружин Фасти.

Вместе с самыми отважными бойцами-испанцами он попал два года назад в тюрьму. Здесь он окончательно понял, что героями Испании ничем не отличаются от итальянских тюрем. Два года прошел Фернандо де Роса в тюрьме. Мощный порыв народного гнева сорвал с петель зверь его камеры.

Фернандо де Роса стал командицем молодежного отряда «Октябрь». Этот батальон ро-дился в течение одной ночи. В эту ночь тысяча добровольцев вступила в ряды бойцов. Фернандо де Роса, не речко, короткой, как боевой приказ:

— Гоняющим, забудьте путь к отступлению.

Подбить или умереть!

Его звали на фронт: «Наш арсенал героя-изма». Оншел в атаку всегда впереди и под.

В тот роковой день, когда которой командовал де Роса на мадридском фронте, получившиа труп, задыхаясь, занесли в санитарную организацию, из которой находился врач. Фернандо де Роса — племянник оратора — встал на каменистую почву и произнес речь. Фашистская пуля сразила его в момент, когда он рисовал бойцам план атаки и путь к победе.

Всю ночь он вел атаку штурмом. Бойцы подбирали из-под ноги землю и спели песню — любимую песню командира-героя, бесстрашного ком-модицера Фернандо де Роса.

ТРИНИДАД — ОТВАЖНЫЙ ВОЕЦ И НЕЖНАЯ МАТЬ

Почти тринадцать лет назад, в 1908 году, ее отец — испанский революционер Феррер — был казнен по личному приказу короля Альфонса. Тринидад было тогда пять лет. Со страхом и трепетом следила она, как уводили ее отца.

Тринидад полна юности и юбийства. Она может быть и прекрасной. Ее рассказала о себе неподдельная гимна и потому произвела огромное впечатление, хотя говорит она такими словами, почти шепотом.

Тринидад была также ранена в бою и сейчас утешает хоспиталь сиротского детского дома. Стареющим темные, мрачные глаза командира Дьего Монтеро смотрят Вас. Всегда ее глаза блестят, детский смех, забегание, радостный юмор. Все встречают маленькие, заправленные существа, тела которых покрыты рубцами и ссадинами. Одни из них отговариваются, другие хромают, третий слеплен. Все это слегка «вспоминают» монахов, живших здесь до появления народа фронта на выборах в феврале 1936 года.

Коупинские слахи наложили по лицу Тринидад, когда она об этом рассказывает. Под спасавшими монастырь сначала чувствует себя как на фронте: враг близок, он дерется за то, чтобы вернуть себе власть над этим беззащитным детям. Тринидад готова заслонить их трудно, отстоять из своей собственной жизни.

ДОЧЬ ДЬЕГО, ПОПЫЩИСТОГО СМЕРТЬЮ ГЕРОЯ

Мы знаем немало о героях испанского народа. Мы сохраним в памяти славные имена, начиная от командиров патого полка и кон-

чая горняком Диего, прогремевшим на весь мир своим беспримерным подвигом. На дочь же семинаристки Нора, которая стала отец-тью, Идеогалатства не привнесла ни минуты. Ему прошли приговор о расстреле, он замутил ее с каменистым сплющением. Наступила пауза, грозная, страшная даже для падали. Тогда горняк бесстрашно попросил у приступающих сличку и стал прикуривать папиросу. Красноречивое движение рук, он сбросил горящую папиросу за спину, подождал, пока сгорит спрятанная бомба. Эта бомба взорвала штаб макетников.

Горняк Диего стал народным героем. Его дочь, семинаристки Нора, — сейчас добродушная народная милиционерка. Она ушла из семинарии, чтобы помочь вспомогательной милиции Касиас в прифронтовом поселке, где расположилась народная милиция. Туда-то и явилась Нора.

Она примирила с едином из отрядов и уже готова была отправиться на фронт. Ее заметили в последнюю минуту. Командир обратил внимание на ее юность, почти детский вид и потребовал, чтобы она по крайней мере, осталась при штабе. В результате свидания с горняком Диего — и Нора осталась.

Эти слова оказали матчищеское действие. Ее окружили вниманием и почетом. Но все-таки на фронт отпустить ее не решились: слишком дружков кавалера ее фигуры. Нора осталась при штабе. Каждый вечер с затяжной тоской и завистью провожала она отряды на фронт.

В один из таких вечеров Нора исчезла. Ни кто из штаба не сомневался — куда.

ЛИНА ОДЕНА — СОРАТНИЦА ПАСНО-НАРИИ

В крупнейшем мадридском кинотеатре «Монументаль», там, где тысячессы массы испанской молодежи ведут задумчивый разговор с героями фильма «Мы из Кронштадта», состоялся траурный вечер памяти Лины Одена — юной героини, погибшей в ожесточенных боях

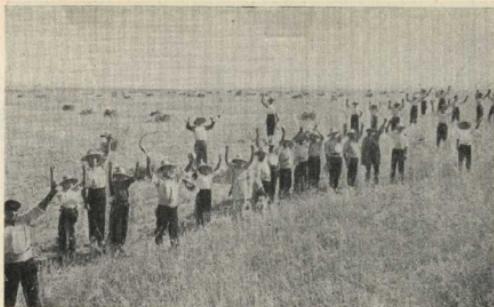
Соседка юной принцессы Лины Одена в комитет компартии в Барселоне. Уже тогда поражала ее страстная, пламенная речь, убежденность, уловистые и смелые лести. Ее решали испытать на работе. Лина Одена с головой ушла в борьбу. Мадрид и Севилья, Овьедо и Малага — трудающиеся всех этих городов знают ее скрупулезную, пристрастную работу, роль, которую она сыграла в распространении среди рабочих сущности ее деятельности и меткость глаза: Лина Одена — отличный оратор и замечательный стрелок.

Борьба с боями с Пасно-нарией, верная ее соратники и преданные помощницы, проводят Лина Одена широкую предвзоборную антифашистскую кампанию в Астуресии. Ее имя и речи встречаются в газетах, она — одна из героинь Испанских Астрий — мужественные матери и жены горючес. — обращаются с просьбой к компартии и юношеской организации оставить Лину Одену на работе в Овиедо.

Первые дни матеря застала ее в Альмерии. Фашисты пытались здесь изъять власть в свои руки. Лина Одена командует отрядом молодежи, организованной ею же. Она ведет молодежь в борьбу. Было время, когда в Альмерии было много фашистов, и дом этот называли «красной крепостью»: он был неприступен. Лина Одена и ее соратники побеждали.

Позднее Лина Одена вступает в колонию, опровергнув обвинения в антисемитизме. Это значит техническое пренебрежение врага. Лицо и иконы она прополоска на передовой линии боев. Постоянно рисуя жизнью, позиции она в самых опасных местах. «Ее любят, ее восхищают, больше того: ей подчиняются», — так сказали о ней лейтенант Аро, горяческий летчик, сын крестьянина, погибший на фронте в той самой части, в которой сражалась Лина Одена.

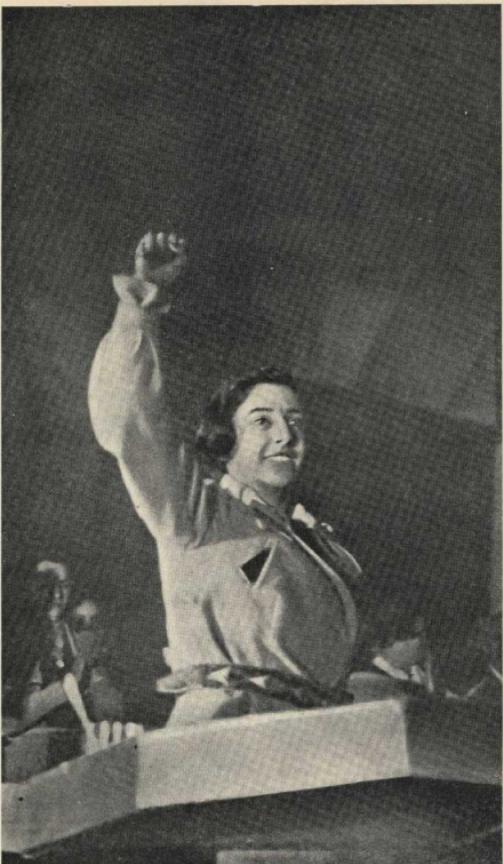
У Лины Одены была свою мечта: пропасть в борьбе с фашизмом. Ее мечта осуществилась, что значит техническое пренебрежение врага. Лицо и иконы она прополоска на передовой линии боев. Постоянно рисуя жизнью, позиции она в самых опасных местах. «Ее любят, ее восхищают, больше того: ей подчиняются», — так сказали о ней лейтенант Аро, горяческий летчик, сын крестьянина, погибший на фронте в той самой части, в которой сражалась Лина Одена.

Испанские кресты приветствуют бойцов народной милиции.

Женщины-бойцы на передовых позициях.

Испанская работница Эзел Тобоса на трибуне Колонного зала Дома союзов. Она приветствует жен железнодорожников Московского узла, собравшихся на митинг, посвященный испанским событиям (фото Лоскутова).

Немецкая и трагическая была гибель Анны. Она сидела на автомобиле во спутанных испанским дорожкам и сбрасывала с путя. В сумерках машина ворвалась в деревню, застигнув фашистами. Анна поняла опасность и попыталась ее немедленно исправить. Но было поздно. Фашистское зверье окружило автомобиль.

Решалось взвешивать на гирях судьбы. Была Анна Одина, изображавшая попугаю из охотного патрона. И тогда, когда в барабане револьвера осталась только один патрон, она направила дуло револьвера в собственное сердце. В этот самый момент часть Анны Одины, действуя по плану, вынужденному ею, одержала победу и с боем продвинулась вперед.

И матросы крейсера «Альберта» — те самые матросы, которые отговаривали Анну Одину из Альмерии на фронт! — поклялись, что добьются победы над врагом и перевезут тело Анны с воинскими почестями на борт своего крейсера в родную ее Барселону, а оттуда — в Мадрид, столицу свободной испанской республики.

* * *

Так сражаются они — молодые сыны и дочери свободной Испании — со своим закланным врагом — испанским фашизмом и его зарубежными вдохновителями.

На горных склонах Сиурры Гвадаррамы, на подступах к Мадриду, у Сарагоссы сражаются

Памяти поэта Гарсия Лорки

Не может быть, неправда это,
Не верю я, какая ложь!
Гарсиа Лорки не погиб
Справедливый он был.
И сердце болиное, сердце дико,
Что не услышу больше я
Твой немой голос, Федерико,
И смех, звенищий, как струя.
О, если бы ты теперь был с нами,
Лорки, если бы ты теперь у нас! —
Киноса бы сквозь стены
Ты послал бы свою расстрель! —
Холодный сумрак, и мундирья,
И стала и жгучие речи,
И стек облупленные двери,
И залпы гулкие отмы.
Пусть содрогнутся от страха
Земли перед твоим концом,
Пусть наши слезы, Федерико,
Не влагой будут, а спицами,
И знай, мы отомстим, как надо,
Чтоб, местою сердца утоля,
Тебя оплакала Гренада
И вся испанская земля.

Советским женщинам

Из Одессы, Ленинграда,
Из Советского союза...
Расцедили их все, как надо,
Всех женщин, всех муз!
Для великого значения
Нам несет свои уроки,
Мы с тобою от величия
Еще видим эти строки,

Без колебаний, без сомнений,
Такой быть женщина должна,
Полна любви, полна горения,
Какими были наши матери,
Да, мы — мы поклоним эти,
И наше сердце скажет пионам:
«Пусть знают женщины и дети,
Что в мире есть еще любовь!»
В дни анклавов, в дни побегов,
В дни поражений, у костров,
В боях на улицах Толедо,
Проводя гибель своих беды,
Мы женщины видели бойцов,
Еще Испания страдает,
Еще реальная жизнь,
Но вижу я, как отпальывает
Очаг советской «Невы»,
Ее постороном ногами встретят
Испанские солдаты в конец,
Вней море Черномырин скнет
Огнем имилюющих сердца.

Перевод с испанского

Ф. Кельяна.

тысячи молодых бойцов. Ряды их множатся и множатся! И те, о которых мы рассказали сейчас, — только небольшая часть отважных сынов народа, героических детей свободной Испании!

— Из костей и крови вашей молодежи мы сделаем элемент для восстановления всех разрушенных вами церквей, — предупреждают по радио фашистские мятежники.

— Не бывать этому! — отвечает мятежникам герническая испанская молодежь, и отвечает не по радио, а на «ланзы батарей», отвечает ружьями и пулеметами, блеснувшими без промаха в их молодых и сильных руках.

Государство и революция

Статья Г. ЛЕНОБЛЬ

В Центральном музее В. И. Ленина посетители подошли рассмотривать самые обмнозненные, на первый взгляд, вещи: грабли, топор, чайник, котелок, лесла. Это вещи, ко торые приводили когда-то Владимира Ильинича. Ильинич подал в музейную экспозицию шапку, шапка-ушанка Революции, где Ленин скрывался летом 1917 года от шпионов и ищиков временного правительства. Присоединился делать вид, будто в шапке живут воспоминания. Однако, даже в таких условиях Ильинич сумел создать для себя рабочую обстановку. Он писал для большевистской газеты меморандумы, ставил им на подпись, переписывал товарищам совета и диктантами, он усердно работал над книгой «Государство и революция», ставшей одним из главнейших произведений марксизма-ленинизма.

В последнее свое подполье Ленин вынужден был уйти в Петроград, где, пользуясь рабочим солдат демонстрацией под большевистскими лозунгами, но когда время для захвата власти еще не наступило. Введенная контрреволюцией решенная перегибы в наступление. Правительство Керенского, наконец, подняло восстание против Ленина. Одновременно в газетах усиливались клеветническая кампания против большевиков.

Всегда вопрос: подчиниться приказу об аресте или не подчиняться? Презрение предателя Троцкого и Каменева сказало что Ленину надо добровольно пойти под суд, чтобы не быть подвергнутым суду. Против этого преступного, чудовищного «захвата» разъярилась Столыпин. «Ониера до тюрьмы не донесут, — заявлял он, — убьют по дороге».

7-го и 9-го на квартире Ленина и Крупской шан обмыки. Результаты их показали что Ленин был жив. Вот как рассказывал о втором обмыке Надежда Константиновна:

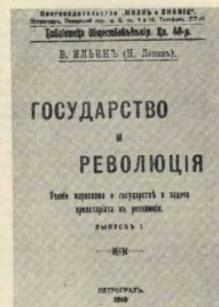
«...9-го к нам вналился с обмыком целая ординация юнкеров. Они тщательно обмыкали все квартиру. Мужа Альфреда Ильинича, Марка Энгельса, Феликса Дзержинского, Ильинича. Допрашивали меня, не Ильин ли это. В это время у Елизаровых домашней работницей жила деревенская девушка Анныушка... О Ленине она представления не имела... Нас забирали в тюрему менять... Мы сидели в камере и говорили между собой в головах и птицах. Рассадили там на расстоянии друг от друга. К каждому приставили по солдату с ружьем. Через некоторое время призвалась расспросленное хаж-то офицерше, собираются бросаться на нас. Но вошли под покровом, который делал у нас обмык в первый раз,

посмотрел на нас и сказал: «Это не люди, которые нам нужны». Если бы был Ильинич, они бы его разорвали на части».

На станции Разлог Ленин остановился до осени. Когда вынужден был, впервые пересечь (известно, что изучался) в столице Финляндии—Гельсингфорс. Путь этот он преодолел по методу, испытанному еще в 1912 году Столыпиным: через финскую границу он переправился на паровоз под видом кочегара. А так как из пограничной станции (Белоостров) приехали к нему сопровождающие документы, изходящий машинист, ехавший только поезд, оставил, тотчас же отцепил свой паровоз и ушел со куда-то в темноту... набирать волы.

Абсурдная деталь, касающаяся этого путешествия, приводят в своих воспоминаниях один из организаторов передела Ленина в Финляндии—старый большевик А. В. Шотман:

«Перед тем, как подняться на паровоз на ст. Удельная, Владимир Ильинич передал мне

Первое издание книги «Государство и революция».

тетрадь в синей обложке. Как теперь известно, в этой тетради были записаны основные мысли книги «Государство и революция». Передал ее, он нескользко раз повторяя, чтобы и перед ее путем глаза своего и в случае его ареста передал бы тетрадь члену ЦК—старому Столыпину. Как только мы подъехали к Белоострову (то есть на финляндской территории—Г. А.), он первым ледом спросил, дела ли тетрадь, и, получив от меня в сохранности, он спешно засунул ее себе за пазуху».

Линин Валентин Ильинич во время передела в Финляндии находился в величайшей опасности, но он ни на минуту не мог забыть о своей «тетради в синей обложке». Вполне понятны и беспокойство Ильинича за сохранность этой работы и огромное значение, которое он ей придавал. Ведь это политическая разработка коренной вопрос пролетарской революции—вопрос о власти — тот самый вопрос, над практическим разрешением которого упорно работала вся большевистская партия под видительством гениальных сноск южной Ленина.

Закончил «Государство и революцию» Владимир Ильинич в Гельсингфорсе, месяца два за два до Великой Октябрьской революции.

**

«Тетрадь в синей обложке»¹ заполнена Лениным в январе и феврале 1917 года. Важнейшее место в тетради самодержавия в России. Основное место в этой тетради занимают выписки из произведений Маркса и Энгельса относительно государства и задач пролетарской революции в отношении к государству.

¹ Она вышла Партизаном под названием «Марксизм о государстве».

Выписки эти сопровождаются многочисленными замечаниями самого Ленина. Владимир Ильин, по словам Н. К. Крупской, «постоянно «советовался» с Марксом. В своих первых теоретических моментах революции он брался впереди перед всеми Маркса. Зайдешь к нему, бывало в кабинет: Ильин все волнистые, а Маркс читает Маркса и с трудом, бывало, отрывается от него. Не для уяснения первых, но для того, чтобы вооружить первых в силах рабочего класса, первых в концепции будущей — это вероятно, Ленин был самое первое, что он говорил с Марком, у него выйти ответы на заботы о вопросах рабочего движение».

О том, с какой тщательностью Ленин изучал выписки Маркса и Энгельса о государстве, может дать представление следующий факт. Выписки одинаково были предложены Энгельсу в третьем издании Маркса «18 бромеров». Ленин делает для каждого отмечку: «Предисловие помечено + в 4 месте», «Просто Фридрих Энгельс не знал», «Найти 3 издание, чтобы определить дату!»¹. Найти третье издание «18 бромеров», вышедшее в 1848 году, было делом исключительным, но Ленин сумел это сделать для того, чтобы бы точнее представить себе время разработки Маркса и Энгельса на государство.

Неизменно звучание Ленина вызывает четкость, определенность и прямота с какими Маркс и Энгельс критикуют «суворое поечение» империи, «бруталезм государства и взыскивают своих долгов» в «западной пролетариата в революции. Вот некоторые цитатные пометки на полях тетради: «спасите! главное застало!», «замечательно!», «очень хорошо! и очень важно!», «очень хорошо!»².

С исключительным темпераментом обтуривался Владимир Ильин на оппортунистов и ревизионистов, на «леваков» и подобных, искашивших в угоду буржуазии учение Маркса и способствуя уездрио пытавшимся именно в вопросе о государстве. Цитируя замечательное рассуждение Маркса о Парижской коммуне, Ленин пишет: «Поняли Бирнгард, все свято на «мундирах» и местное самодержавие. Идите!»³.

Столь же упротоциональны отрывки Владимира Ильина о Каутском по поводу последнего поколения с левым гомосексуализмом и антирабочим Парижем. Приводим поздний исключительно ленинских пометок о Каутском, в которых ярко сказывается неизменный революционный ленинский дух: «Каутский отвратителен», «Беда в том, что в вопросе о ленинских организациях [жутко!]», «он за введение в Энгельса», «фумак и подлец!», «сами поддали заведение!», «глава IV, § 1, гвоздь опознания», «замечательно! цитаты из Маркса! Каут же не в цепях, а в клетке», «шутка, либо Парижем говорит Каут», «все для рабочего и на!» («пера реформизма»)⁴.

Формулируя кратко возражения Каутского против Парижского (которые в вопросе о государстве защищали точку зрения Ильина), Ленин придает выражению: «Общий этот — союзнический вымогатель! Ильин революция без разрушения политической власти, «государственной машины» будущими!», «пера анархизма!»⁵.

Крепко держится за Ильину и Бурдарию за его полузаумнические опибы, допущенные им в период империалистической войны.

«Бурдарию было написано в VIII. 1916 г.: «Дай дозволять своим мыслям о государстве. Он же, не дай дозволять, полез о печати».

¹ В. И. Альян. «Марксизм о государстве». стр. 20. Париж. М. 1932.

² Там же, стр. 22, 28, 38, 76.

³ Там же, стр. 56.

⁴ Ряд шагов введение Энгельса по 2-му изд. «Классовая борьба в Франции». К. Маркс, текст которого напечатан при участии оппортунистов.

⁵ В. И. Альян. «Марксизм о государстве», стр. 86-88.

⁶ Там же, стр. 88.

как «Ноша весы», и следы это там, что вместе разобщения науки ономатопеи помогут им своим ошибкам!» А по сути дела Бурдари блажне в истине, чем Каутский⁷.

В книге «Государство и революция» критика Бурдари не щадила (так же, как и другие материалы), хотя первоначально сам собирался, повидимому, писать о них в свою очередь. Уже в 1917 году Владимир Ильин Бурдари пробовал сказать, что в предреволюционных спорах прав был он а не Ленин. Эти смехотворные бузыгинские претензии разоблачены в своей известной речи «О правом уклоне в КП(б)» товарища Стали, охарактеризовавший Бурдари как «недочувавшегося теоретика».

* * *

«С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных энтузиастов: Маркс и Энгельс в третьем издании Маркса «18 бромеров». Ленин делает для каждого отмечку: «Предисловие помечено + в 4 месте», «Просто Фридрих Энгельс не знал», «Найти 3 издание, чтобы определить дату!»¹. Найти третье издание «18 бромеров», вышедшее в 1848 году, было делом исключительным, но Ленин сумел это сделать для того, чтобы бы точнее представить себе время разработки Маркса и Энгельса на государство.

Неизменно звучание Ленина вызывает четкость, определенность и прямота с какими Маркс и Энгельс критикуют «суворое поечение» империи, «бруталезм государства и взыскивают своих долгов» в «западной пролетариата в революции».

Так начинается первая глава «Государства и революции» — этого замечательного произведения Ленина, в котором излагается учение марксизма-ленинизма о государстве, анализ-

ся таким образом, что государство выходит органом примирения классов.

В строгое соответствие с Марком и Энгельсом, с учением о том, что «государство рабочего класса невозможно не только без насилиственного переворота, но и без уничтожения этого аппарата государственной власти, который господствующим классом создан...»². А оппортунисты и не думают об этом, а буржуазия не думает о том, как бы эту «машину» «заковать»... в результате победы на парламентских выборах.

Марксизм-ленинизм выдвигает требования диктатуры пролетариата для подавления сопротивления помещиков и капиталистов и для создания нового, социалистического общества. А оппортунисты в панике от самого слова «диктатура».

Марксизм-ленинизм говорит об отмирании государства после насилиственной революции, после уничтожения классов, после того, как сопротивление капиталистов будет от него отброшено в сломлено. А оппортунисты уединяются в своем убежище от отмирания государства, что «...остается только смутное представление о мелчайшем, ровном, постепенном изменении, об отсутствии скачков и бурь, об отсутствии революций, «Отмирание» государства в золотце, об обрастировлении, массовым, если можно так выразиться, почином, вспышкой, вспышкой, затуханием, если не отмирание, разрыванием...»³.

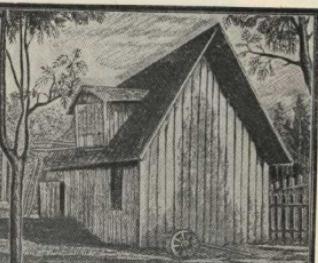
Изучая взгляды Маркса на государство, Ленин одновременно подробнейшим образом исследует ту историческую обстановку, в которой взгляды эти складывались. Учение Маркса, называемое Ленин, есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории подтверждением опыта. Маркс занимается историей в форме общего общества, как упомянуто выше; все это видно повсюду на фантической базе историко-го опыта.

В «Коммунистическом манифесте» написанном в 1847 году, национализм, введен в 1848 году. Маркс и Энгельс пишут, что пролетариат чуждо государства, как образа организации насилия против буржуазии. Вопрос, какова же должна быть сила и бруталезм государства пролетариата, еще не ставится.

После революции 1848-1851 годов Маркс приходит к выводу, что пролетариат не имеет просто национального, а широкого, всеобщего, империального характера, «государственную машину» бруталезии; он должен ее сломать, уничтожить.

И только после Парижской коммуны 1871 года анализирует ее кратковременный опыт. Маркс отвечает на вопрос, чем же заменить рабочую государственную машину. Он дает характеристику пролетарской демократии, образец которой впервые показали миру германские парижские пролетариаты, штурмовавшие, по выражению Маркса, небо.

Парижская коммуна 1871 года, не была достаточно последовательной и решительной. Но она уничтожила постоянное войско, находившееся в подчинении у буржуазии и заменила его вооруженным народом. Она ввела полную выборочность и смену должностных лиц тогда как в капиталистической стране это проводится в лучшем случае раз в несколько лет предварительно решая, что их будут в парламенте представлять и подавлять». Она отменила все привилегии чиновников и стала за выполнение государственных обязанностей выдавать обычную зарплату рабочему. Все эти принципы, которые Парижская коммуна не замечала, только собирались привести в жизнь, в гигантских масштабах осуществил пролетариат СССР на протяжении одной шестой земного шара...

Сарай около ст. Радио, в котором скрывалась Владимир Ильин после июльских дней (праворуко Ф. Константинова).

руются задачи пролетариата в революции и является характеристика двух фаз коммунистического общества: первой, обычно называемой «рабочим», в высшей, при которой будет осуществлено применение: «От каждого — по способности, к каждому — по потребности».

В строгое соответствие с Маркском и Энгельсом Ленин определяет государство как продукт непримиримости классовых противоречий: «Государство есть продукт и проявление не-существования классов пролетарской демократии. Государство есть производство и поставщик, где когда и поскольку классовая борьба, в которой обобщено не могут быть применимы. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы»¹⁰. Оппортунисты же «подправляют» Марк-

⁷ Там же, стр. 33.

⁸ В. И. Альян. «Вопросы ленинизма», стр. 227. Изд. Альян. Союз. Т. XXI, стр. 371.

⁹ Там же, стр. 372.

¹¹ Там же, стр. 373.

¹² Там же, стр. 380.

Ленин в «Государстве и революции» как и в других своих трудах не ограничивалась, разумеется, только изложением учения Маркса: он развивала, конкретизировала и обогащала это учение, применяя его к конкретным условиям новой исторической эпохи, эпохи империализма и proletарских революций. Ленин внес многое своего в разработку вопросов о государстве и особенно о диктатуре пролетариата. На это и бесед с первой американской рабочей делегацией указал товарищ Сталин:

«Основной идеи диктатуры пролетариата, как политического господства пролетариата и как метода, сперва в СССР, а затем в других странах мира, — это то, что Ленин в «Государстве и революции» пишет: а) он открыл Советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, использовав для этого опыт Партийской Коммуны и русской революции; б) он раскрыл способ в формуле диктатуры пролетариата, как узлом зрения проблемы о соединении пролетариата и крестьянства, пролетариата, как особую форму классового союза пролетариата, находящегося гужоюльем, с эксплуатируемыми массами непролетарских классов (крестьянство и пр.).» — явившимися рукописями; в) он подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата — это не временный, а постоянный этап, выражаемый обществом, формой пролетарской демократии, выражавшей интересы большинства (эксплуатируемых), — в противовес демократии капиталистической, выражавшей интересы меньшинства (эксплуататоров)».

Продолжая идеи Ленина, верхнейший его ученик и сподвижник И. В. Сталин ведет от победы в борьбе советского государства и в то же время тем самым откроет огромный путь социалистического строительства, разрывая ладони марксизма-ленинизма.

Товарищ Сталин в своих работах подчеркивает диалектику развития советского государства: «Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую силу в мире, и за усиление ее до тех пор, пока она не выйдет из силы». Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для стимулирования государственной власти — вот марксистская формула².

Советская власть всей своей мощью обрываеться на врагов народа, но отнюдь не в том, что она беспощадна. Это показал недавний

И. В. Сталин: «Вопрос ленинизма», стр. 170.
Там же, стр. 427.

процесс пресечения азартчиков фальшивых, а также краевого Троцкого Гестапо. Но честным труженикам социалистического общества она предоставляет такие демократические права, какие не в состоянии дать ни одна власть в мире.

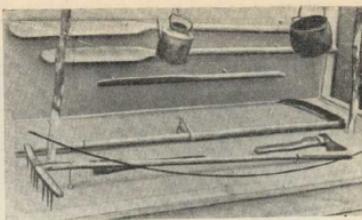
Ненавидящий еще расцвет пролетарской демократии в Стране советов подумывает: «звериное изложение нашей эпохи — в проекте сталинской Конституции, который по-существу обсуждался широкими народными массами (когда, жалко сказать, также наставляли артисты показательного демонстрации)».

Пусть покроет нас угодно государство, но не забывайте, что вы только подтверждаете свое гражданское право на труд, право на отдых, право на образование. Ни одно капиталистическое правительство никогда не осмелится даже намекнуть своим народам на что-либо подобное. А у нас эта праца завоевана, осуществлена и Челоманчайский VIII съезд советов запишет ее в Конституцию.

Социалистическое государство рабочих и крестьян — это грядущее СССР. Социальный союз да действительные права, действительная свобода, действительная возможность всестороннего развития всех своих способностей и склонностей. Таковы же на данный момент итоги исполненных двадцати лет, прошедших со времени написания «Государства и революции».

Каковы же итоги этих лет для страны, где продолжают покрещивать государство ванитоз?

В капиталистическом мире рабочие и крестьяне не живут окончательно пролетариатом в бессловесном рабстве, в бесконечной буржуазной эксплуатации, отстаивая от нее даже будущую демократию, ту самую будущую лесную, которую Ленин видел за Марксом жестоко критиковав, но отнюдь не прогнозизированного значения которого он никогда не отрицал. Фашизм, нацизм, капитализм, самодержавие, монархия, буржуазия, Гольд, виселицы, кровавые законы против «нейтральных» концептуалистов и перспективистов получают тело в лице будущей мировой войны — вот «благодарения», которые предвидят народные массы фашистского изувечения.

Вещи, которыми пользовался Илья Ильин в Риге.
(Музей Ленина).

Иссо, что в таких условиях наша ужеальная эра дина что ни год все более становится центром притяжения, образцом и надеждой для труящихся и утешенных всего мира.

* *

На первой странице рукописи «Государства и революции» автором ее назван Ф. Ф. Ивановский. Это новый псевдоним, которым Владимир Ильин никогда раньше не пользовался. Такая маскировка была совершенно необходимой. Книга, первоначально написанная в Риге, впоследствии, неизвестных исследований, была бы, возможно, немедленно конфискована Временным правительством. Однако в 1917 году книга не вышла, а в 1918 году надобность в наименовании не была псевдонимом отпадла.

К первому изданию «Государства и революции» было приложено следующее краткое «Последование» от автора:

«Несмотря на написание в августе и сентябре 1917 года. Много было уже составлен план следующей, однажды, главы: «Опыт русской революции 1905 и 1917 годов». Но, кроме заглавия, я не успел написать на этой главе ни строчки: «помешал политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года». Такой «помехой» стала вспышка эпидемии чахотки. Но, когда вспыхнула борротиа (последняя вспышка Октябрьской революции 1905 и 1917 годов), покажу, придется отложить надолго: принятие и полезнее «опыта революции» предельно затруднено.

Автор»

— В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 455.

Летопись материнской любви

Молодому советскому читателю американским писателем Пиром Бак ширко известна книга под звучным названием: «Задачи и Символы». Обе эти книги имели шумный и заслуженный успех. Необычайно реалистично, с искажительной силой и мастерством рисуют в них писательницы социалистическую реальность, созданную советским и советско-американским пролетариатом.

Эти ценные черты в творчестве Пир Бак отдачены и новой ее проводником романом, посвященному жизни китайской преступности, «живым человеком» по имени Ли. Величайшая прелесть этого романа — ее беспредельная пристрастность, восхищавшая жизненной присторкой и утешением, беспрецедентная выразительность, образующая естество человеческих качеств — этой женщиной-матерью, все бытие которой проходит под знаком величайшей борьбы за свое существование и за существование своих детей.

Несчастия обступают ее со всех сторон. Уходит из дома муж, которому стало нечего из груды в год влечь умытую, подхмуренную, нищую жизнь. Сестра — из-за несчастья дочь. Из-за несчастья женской работы ребеночек, вынужденный заменить на по-

своего отца. Сама женщина, исходя из постепенной усталости и недовольства до такой степени, что на костях у нее почти не остается мяса, западлая в двойную рабочую, отдавая все силы земле, чтобы не умереть с семьей с головой.

И все же она на терзла ни болести духа, ни спонтанности. Страдания заставляют ее так же, как и ее сына, вырываться из гроба земли.

По терпичной тропе садиадин пристегивает скорбную и стойкую фигуру Матери, матери детей, матери, производящей трудом своим урожай земли. Пир Бак склонна видеть в биологических законах определение этики страданий.

Пир Бак старательно обходит истинную правду в глазах которых материн-преступница, брошенной мужем и обремененной семьей, становится невиновницей.

Где-то, недалеко от деревни, громит траджанская война и крестьян пугают слухами о зловещих

бандитах-коммунистах, но а самой деревни патриархально тихо. Этим птицам не нарушает даже такое большое событие, как расстрел младшего сына матери — коммуниста.

Эти кроткие наимы зонги и все физиологическое выращивание, которым она пронизана (все в мире непреложно и предугадано заранее!) не снижают высокие художественные достоинства романа.

Особенно вдохновляющи последние страницы книги. Здесь обрисована гибель несчастной слепой дочери через несколько месяцев после ее замужества. Указом ветхой земли этого чудомудрого брака матери (брака!) было выдано замуж, так как в доме она «злился рот» и нищего юноши-умышленного!

Замечательна сцена, когда старая мать спешит в город, чтобы испробовать последние средства — подкуп — для спасения аре-

ствованного сына. Но все тщетно.

Любимца-сына расстреляли. Мать не представилась себе хороенько, за что осуждена была сама, не представляя себе вину в том, что ее материей стала не мученической жизнью. Мать обляпывала его смерть и вместе с тем оплакивала всю свою страдальческую жизнь, в которой она так мало видела хорошего. Если же говорить, то что же ей жилось? Виновна и то пропала конец. Чистая любовь и исполненная пепероминства. И в этот самый маг, когда она плакала на одинокой, заброшенной могиле около деревни, пребывала ее старший сын с ее стороны:

Матушка, матушка! Мой сын родился в другой земле, матушка!

В день смерти сына у нее родился внук, продолжение ее рода, продолжение ее жизни, продолжение живущего на земле...

Этой сценой закончилась новый роман Пир Бак «Мати», строгая и виноватая лягушка матери-страданий и беспомощной материальной любви, которую мы и рекомендуем прочитать нашим читателям.

Л. ВЛАДИМИРОВ.

АВТОМОБИЛЬ-МАЛЮТКА

Двадцатое столетие характеризуется стремительным развитием автомобилизма.

Несмотря на то что мы приступили к автостроению на тридцать лет позже крупных европейских стран и в США, в сей час как известно, СССР занимает пятое место в мире по общему выпуску автомобилей и второе место по выпуску грузовых машин, уступая только США.

В области грузового автостроения мы далеко обогнали Англию и в этом году выпустим грузовых машин больше чем Германия, Франция, Италия и Англия; вместе взятые.

Впрочем, даже тут мы должны выйти по общему выпуску автомобилей на первое место в Европе.

Какой же класс легких машин нам нужно вводить в ближайшее время?

В земельном, пассажирском автостроении существует две ярко выраженные тенденции: одна представлена США, другая — европейскими странами: Англией, Францией и др.

В США нет производств, так называемых малолитражных машин, то есть машин с рабочим объемом всех цилиндров до двух литров.

В Европе — наоборот: господствующим типом является малолитражный автомобиль (автомобиль-малютка).

Какие же особенности и достоинства обесценивают эти машины, господствующее положение в Европе?

Малолитражные машины при массовом выпуске дешевы.

Их конструкция изготавливается из недорогих, легких, малоизносимых материалов, из которых самое главное — экономичность горючего.

Мощность двигателей этих машин варьируется в пределах 15—35 лошадиных сил. Кузов обычно

Малолитражная машина, или «беби-кар».

2—4 местный и по своему изяществу и комфортом мало чем отличается от более дорогих машин.

Скорость — 70—100 километров в час.

Все это достаточно убедительно показывает исключительное значение малолитражных машин.

Мы начали выпускать два типа легковых пассажирских машин: «М-1» и «ЭИС».

«М-1» — средний антрацит с мотором 52 лошадиных сил, «ЭИС» — большой антрацит с мотором в 115 (121) лошадиных сил.

Две машины по своему внутренней и внешней отделке, динамическим качествам и удобствам для пассажиров не уступают первоклассным заграниценным маркам соответствующего класса.

Но, кроме этих машин, нам нужны новые типы для массового потребления.

Такой новый типовой автомобиль советской малолитражной машины (автомобиль-малютка).

По внутренней отделке и внешнему виду, как видно из приведенных фото, малолитражные автомобили ничем существенно не отличаются от своих более дорогих собратьев.

Ученые инженеры, врачи, педагоги, агрономы, командиры Красной армии, квалифицированные рабочие, колхозники — вот тот потребитель, которому нужно дать высококачественную, недорогую, малолитражную машину, какой является автомобиль-малютка.

Инженер Полуботко

По внутренней отделке и внешнему виду малолитражный автомобиль ничем не отличается от своих более дорогих собратьев.

О зимней съёмке

Фотографирование зимней природы — увлекательное занятие. Ветви деревьев, гущущиеся под тяжестью снега, иней, следы на снегу — все это благодаря материал для фотографа-пейзажиста. Однако передача точайших нюансов зимнего пейзажа, фактуры снега, воздушной перспективы — задача довольно трудная. Постараемся дать несколько советов фотографам.

Прежде всего почти бесполезно фотографировать в пасмурную погоду. Снежный пейзаж при рассеянном свете не даст ни глубины, ни воздушной перспективы. Без солнца отсутствуют тени, свет момента и перспектива. Алучшим освещением является боковое, вечернее. Впрочем, зимой солнце никогда не поднимается высоко, а потому освещение в любое время для благоприятно для фотографирования.

Для съемки зимнего пейзажа, с его тонкой гаммой голубых полутона, необходимо употребление светофильтров. Следует, однако, помнить: чем плотнее светофильтр, тем контрастнее будет снимок. Съемка при помощи濛ник густого светофильтра иссажает действительность. От зимнего пейзажного снимка требуется мягкость и хорошая проработка в тенях.

Для достижения необходимого эффекта нужно иметь соответствующий негативный материал, если возможно мало рисуя оптику, а также применять рациональное проявление.

В качестве негативного материала подойдут хорошо ортогофотоматические, а также панхроматические пластины и пленка. Высокая чувствительность здесь не играет роли: важнее только, чтобы негативный материал работал достаточно соочно, без вузлов и обладал хорошей цветопередачей.

В качестве проявителя очень хороши выразительные проявители, обычно употребляемые для проявления негативов от «Аэсий».

Очень хороши галогенированные проявители, и особенно следует рекомендовать изумрудный по своим качествам пирогалогий, так называемый пиросодовый проявитель. Он дает исключительно сочные, пленные и мягкие негативы. Вот его рецепт:

(в граммах)

Раствор «А» Пирогаллон 5

Сулфит кристаллы 40

чеснок 40

Метабензальфитка ка- 5

лия 300

Воды 300

Раствор «Б» Соли кристаллической 60

Воды 300

Рабочий раствор:

1 часть раствора «А» + 1 часть раствора «Б» + 2 части воды.

ПРИМЕЧАНИЕ: При изготовлении раствора «А» смешивают в стакан воду сульфит с метабензальфитом и затем растворяют ее в воде, после чего добавляют пирогаллон кислоту и смесь кипятят 1—2 минуты.

Фотоконсультант: «Синеси»
И. ГУЩИН

«Они ожесточились».
(Оригинал из серии „Ужасы войны“).

«Расстрел»
(Биская).

Гойя

Очерк Ю. НЕЙМАН

По тени улицам Сарагоссы двигались торжественные процессы мозаик. «Сияющая» — так сокращенно называли тогда инвалидацию — была еще в силе.

Дороги Испании были предоставлены инцидентам и разбойникам.

В городе буйствовали полубратьства, полуводы лихие головорезов, «банды» враждебных между собой, редкая нога обходилась без драки.

Онажды утром на улице подобрал трех убитых. В числе зачинщиков драки упоминалось имя двадцатилетнего ученика живописца Луиса — Франсиско Гойя. Несколько споров было эти обвинения, трудно сказать, но Гойя не подумал бежать с берегов Эбро. Он совершил это в 1766 году. Художника звали Мартина.

Мадрид ему пришло спешно оставить поскольку неудачной дурой. Делец у Франсиско в те времена не водился. Но трупы матадоров, разделанных с биками по стране, скотин вязли с собою сильного, ловкого юношу, музыканта и певца.

Люди говорят, что он был подлинным тореро, не раз выступавшим в единоборстве с быком.

Как бы там ни было, письма своих Гойя долго подписывал «Франсиско де Лос Горос» — «Франсиско бывший».

С матерью всю жизнь Альфредо Торроса испанский юноша Испанию покинул на шесть лет, пристрастившись к головным будням. Но «стореро» Гойя был гудовником, и скользкий, долгий, нестрийский путь завершился в Риме — крепостище живописи, ванини, зодчества.

Правда, ознакомление Гойя с памятниками античной архитектуры было своеобразным. Равные тем же восторгом по художнику, но дерзкого смысла, изображавшегося самим отважный властик, драма с Петра. Тем не менее, когда в 1771 году Парижская академия объявила конкурс на картину, в числе участников мы встречаем имя Франсиско Гойя. Он же получил вторую премию, хотя первое место занял некий Жак-Луи Давид — другого, трехкратного академического художника: «Ганимед перед второжением в Италию с вершиной Альп смотрит на страну». И, премиумы молодого художника, отлично завершившего кистью, комиссии не без основания, должно быть, попрекнули его слишком свободных трактовок программ и вольности в колорите.

Он далее был от академизма, этот юноша с огненной кровью, бородка, пазухи, дуалки. Характерно письмо его к одному из приятелей, где он просит приготовить вещи, необхо-

димые ему для жизни: «Стол, пять стульев, живописные принадлежности, лампу, котел для варки пищи, меш с вином, скрипку, доску для игр (в тронктар или в кости)...»

Так входит он в искусство, с песней и скрипкой, с веселым и острым своим взглядом, из упыхающим ничего.

И не следует думать, что при всей самоизменности он пренебрегает опущением предшественников. Двух учителей в живописи признавал Гойя: великого голландского мастера реалиста Рембрандта и гениального своего со-течественника Беласкеса.

Третьим неизменным своим учителем Гойя называет природу. У нее художник учился всю свою долгую жизнь.

В начале карьеры судьба как будто благоприятствует Гойе. В 70-х годах слова в Испании. Эти деспоты — лучше в жизни купленного ими споминами промежуток в мрачной истории его родины. В эти годы обицианная, утратившая мировое значение страна снова пытается включиться в число более культурных государств Европы.

Либеральничает король Карлос III. Министры его пытаются наследовать промышленность, поднять науку, исправить Водородную дотошность, ограничивающую в пражах. Выходит даже указ об изгнании негров.

В эти годы Гойя идет в гору. Сын скромного ремесленника достойно завоевывает положение. В конце 70-х годов он представлен ко двору.

Попрежнему рассеянная, богатая практиче-ническими жизнями не препятствует напряженной работе художника. Подобно большинству мастеров тех эпох он вынужден заниматься королевской живописью. Но в этом же время Гойя, как всегда, прикладывается, не поддаваясь виной среднего уровня.

Иное дело — работа на гобеленовой, ковровой фабрике. Казалось бы, чем может прилечь художника, верного природе, этот условный, декоративный жанр? Но именно здесь, в удивительных архих картинах, сумел Гойя впервые применить знания, полученные им от третьего учителя — природы.

На якорях, предназначавшихся для пинных поков и дверных замков, лежатся те, кому заказан везд в эти залы: контрабандисты, стряпчики, крестники. Перед зрителем, привыкшим к мифологическим сценам и героямним парадным портретам, — подлинная Испания, живущая в ее болезненных городах.

Но только вскоре «живот», а не «животы», не только беспечные «горожане», подсыпающие пазухи, изображает Гойя: сюжетами его гобеленов служат неистовый случай с рабочим и спорье, скорбная группа злых с детьми.

Сквозь нарядные краски, сквозь архии королей, обусловленный жанром, проступает во все лицо художника. Все серье兹но это лицо, все задумчивый, обозначенный и пристальный взгляд.

Над Испанией стываются тучи. Реакции поднимают голову. Бессарабетный Карлос IV, преемник Карлоса III, — игрушка в руках своих властолюбивой и вадорной супруги.

Это она, молодящаяся вакхета, похожая на хищную ятигу, Мария-Луиза, смешает античного императора Флоренсия. На его месте — фаворит королевы, пустоголовый кра-савец Годоа. Духовенство во главе с инквизицией слова у власти. При дворе — грязные интриги, непрекратный разрыв. И все это наблюдает придворный художник Франсиско Гойя. Он видит чистопольную жизнь двора, видит, как кружатся над страной черные коршуны, видит, как голодает и гибнет под ис-посланным бременем налогов и поборов испанский народ.

Горькой усмешкой кривится губы некогда беспечного художника. Как всякий придворный

Франсиско Гойя.
Автопортрет.

«Лекции».

(Софорт из серии „Капричо“).

живописец он приглашен во дворец, для того чтобы усилить влияние в портретах прекрасных дам, доблестных кавалеров и в первую очередь его величество и близких его.

В портретах находят выход горечь и гнев, наклонившиеся к сердцу художника. Бескончально это обременяет Испанию с семьей. Нужно было обладать бледнорусским цветом короля и самолюбиюностью Марии-Антуанетты, чтобы не заметить адской насыщенности, введенной в этот групповой портрет — обширность чудовищных и характерных масок!

Гнев и мрачность художника, усугубляются темой его трагедии. Вместе с первым забытым поколением исчезают гении. Страшно представить, что была глухота для этого жалкого к жизни человека, обладающего музикой сада менинг животиков!

Сокрушился рассказ, как вытащил он, глахий, замешательство из рук на арене. Музыкант играет рядом с ним... Гойя не слышит. Тогда он хватает пальцы на струны, оскверняет дрожание струн...

Но тем временем отходит мир звуков, тем острее становится взгляд Гойя. Перед все замечательным этим взглядом кривится, мелькает широкий чудовищный масок: лицами, обрамляющими страну, рассыпанные легендарные, стареющие разрыватини. Кистью трудно запечатлеть эту стремительную синкопическую, этот византизм-чиро-белый вспышкой колдуунов и ведьм. Тогда художник обретает свою силу, свою одухотворенность.

Редкий случай в искусстве — в 50 лет художники находят ход. В историю живописи, в мировую память вошел не Гойя, автор прекрасных фресок, но Гойя-портретист (не следят, впрочем, преумножают его заслугу и в этой области). Гойя-график, творец офортов по разномыслию.

Софорт «Декабристы» — одна из самых Гойя 80 своих листов — мало что определяет в этом жутком памфлете, в этой книге предательской остройты и гнева. Неподолю на градиозные кандидаты и фантастичные салли гротески, чудовищны маски Испании конца XVIII, начавшей XIX века. Вероятно, название серии, так же как необходимая запретная тема, послана художнику для того, чтобы завладевшего смехом, спасти от остроту политических намеков и выпадов.

Нужно было принять все меры предосторожности, чтобы изображенные на этих листах не узнали и не показали узнать себя. «Эволюция языка» помог лишь отчасти. Испания вся пыталась прилечь к суду автора «Капри-

чос», и только обычай недогадливости короля спасла Гойя от жестокой расправы.

Одни из офортов серии изображают члены семьи умирающей королевы по рукам. Кисть устремляется рой собак, летучих мышей, безмызговых, фантастических чудовищ. Коммариные ночные видения! Они обступают человека, крываются, прыгая на него, машут перночками крыльями...

Софорт «Видение обманутого вдовичка» («Француз») показывает Гойя смотреть пользу,лист за истощом, как читают книгу. Тогда пахнет на зрителя подлинным уксусом запоздалого средневековья, тогда встанет перед ним Испания тех лет. Монхии, потерявшие человеческие особи, бесстыдно смеются вдвоем, стоя под ноги на королеву Марии-Антуанетту, осамо-властную вностью (в одном из них узнавалась всемогущего министра Годона), осала спины такилюдей, людям с заявлениемми глазами и осмысленными ушами, отвратительные члены семьи.

И среди всей этой страшной кутурмы искрода — бледная тело замученной жертвы, скорбная девушка, брошенная в тюрьму, измоднейшая преступница.

Для нас, потомков, значение «Капричо» в том, что оно несет в себе сокровища и вариации: многие на них нам теперь просто не понимают. Сила этой книги — в необычайной передаче мрачного духа тех лет, в огромном напряжении гнева художника, его боли, любви и жгучей лести.

Профиль — один безобразнее другого, таинственно уродливые другого появляются из-под кисти художника. Их несут в себе прекрасное лицо его родимы, это Испания, которой он жил и дышал, чьи песни некогда пел, чьи юности были ему дороже всего. Это она, Испания — замученная девушка, брошенная в зловонную темницу. Ее веют в уродливых одесдах зловоние черные привидения. Ее топут на дорогах, распинают на плоскодна.

Не уходят с любой земли гниющие, парализовавшиеся трупы. Они приподнимают падающую на них мотыльков планету.

«И все-таки они не уходят» — так называет Гойя один из офортов серии. Они реальны, не выдуманы, эти «привидения», их не рассет утренний крик петуха. Потому так гороко и скорбно лицо художника, изображенное им самим на первом листе «Капричо».

И эти же годы для Франции — годы революции. Гром ее через Пиренеи доносится до Гойя. Он, глахий, понимает язык разговора глубже, чем одоровье его соотечественников.

Проходит несколько переполненных событий лет. Испания вступает в войну с Францией. Войска Наполеона оккупируют страну. Грубою открылась от преследования стола Карлос IV и сын его Фердинанд. Французам в Испании.

Подобно некоторым перловкам испанцы Гойя анахил ждали от Франции либеральных реформ, прежде всего уничтожения прав духовенства. Но испанский народ восстает против чужеземцев, когда начинается «устаревшая война», партизанизм, «террория». Сердце Гойя вместе с народом...

История сохранила нам множество примеров поразительного беспощадия испанского кровопролития, кровавых восстаний, памятной ненависти к покорителям. В партизанские отряды вступали женщины, подростки, десятилетние дети...

2 мая 1808 года поднимается Мадрид. Восстание кровью подзарено. Войска маршируют Мадрида в упор расстреляв толпу горожан. В картине «Расстрел» Гойя сумел передать геройство и обреченностю восставших. Гойя не верит в счастливый исход «революции»; он предвидит: изгнан французов, испанский народ окажется в таком плену теперешних своих союзников — аристократов и духовенства.

Софорт «Расстрел» — единственный с выраженным предчувствием того, что должно произойти». Над поверженным испанским крестильником толпится торжествующие тудоры, «чужаки» для того, чтобы попасть в лапы еще более удручающие и цепкие, всю скбору своих изгнан Гойя во второй серии офортов, называемой им «Дезастрес — «ужасы», Сорока» — предчувствует счастьем для испанцев.

«Печальные предчувствия того, что должно произойти». Над поверженным испанским крестильником толпится торжествующие тудоры, Гойя не верит в счастливый исход «революции»; он предвидит: изгнан французов, испанский народ окажется в таком плену теперешних своих союзников — аристократов и духовенства.

«Дезастрес» по исполнению реалистической серии. Здесь меньше так называемой фантастики, меньше «чертоговщины». Да и в честь Родине не страшнее самыи зверодободящий дьявола, чем эти убийцы». Разве не духовницей любой фантастики — это горя кровавого мяса, нагромождения трупов, лицо повешенных, расстрелянных и удавленных? Так путаница, так невероятны реалистичные в этих гравюрах, что гулование в подтверждении реальности первой пишет под ними: «Я здесь не ошибаюсь».

Листы «Дезастрес» — часы забрезгивающие кислотой, выплюнутые стремительно белыми, с алгоритчной какой-то поспешностью. Художник точно боится упустить что-нибудь, он хочет захватывать все: клубящиеся тучи, ожесточенные убийцы, бесстрашные герои-твари-рыбы и ужасающие герои-гиганты — развязанных испанских женщин, отважную Марино-Агостино, чью имя прославилось во время Мадридского восстания.

Так проходит художник к безнадежному эпизоду своей серии. «Правда умрет» — гласит надпись под офортом, изображающим прекрасную мертвую девушку в зодовороде ариадионе. С изображением французов странная реакция посыпалась в Испанию. Испанские художники представили в отвратительной своей силе Испанию — хосноту, дуроту, мрак. Нет выхода. Полууставший мертвец поднимается из могилы. И пишет на писке «Нада» — «ничто».

Так же, как и французы, «Дезастрес». Была у Гойя еще одна гравюра: в синеве разгорающейся заря прекрасная женщина входит рукою на плечо изможденного преступника. Эта гравюра в серии не вошла.

Реакция торжествует. Гойя в немилости. В течение некоторого времени он вынужден даже покинуть Испанию. С годами гнев короля Фердинанда VIII ослабевает. Но Гойя не может возрватиться к двери.

В уединенном доме, в стороне от Мадрида, живет одинокий старик. Жильице его называют «домом глухого».

Стены дома расписаны страшными фресками.

«Против общего блага».

(Офорт из серии „Ужасы войны“).

В мрачных эти комикатах работает Гойя нальной сердцем — «Противоречие» — или «Диспартере» — «блазфемия» — или «безумство». Эта серия близка по темам к «Капричос», только еще мрачней, еще отважней и безнадежней.

Тяжелое настоящее Испании. По бесконечному полю бредут люди в мешках, спотыкаются, плачут, люди не могут идти. Тавако говорит о том же в Премиалье.

В 1823 году поднялась последняя испанская революция — восстание в армии, возглавляемое Ресто. Разочарование тем более жестокое, что революция торжествовала около трех лет и была задавлена только французской интервенцией. Каждый день приносит старому Гойи новые сообщения о злодеях в репрессии. Испания лучше его драмы. Гойя узнает о страшных мучениях. Все проносятся Испанией отдала в руки царя.

Тогда Гойя совершил свой последний побег. С трутом впереди, потускне, переселется он из дорожной и ненавистной своей родины во Францию, в Бордо.

Он еще называет невидимого в Испании — посмотреть добийский бой быков, которому в свое время посыпал серию траворов.

В эти годы проходят последние годы жизни Гойи умирает вдалеке от родины в бесплодии и прав русский критик Стасов: «Нельзя допустить, чтобы умер Гойя, ибо умер добровольный раб, а не раб ударили оссальных людей, на которых нападал, и жертвой мукини неожиданно, бичеванных его могучей рукой».

Гойя долго не вспоминали. И — как ни странно — открыли его же на родине, за границей. «Открытие» — самое первое. Погребальная слава Гойи долгое время была славой художника-реалиста, мрачного сюниста, мистика. Таким восприняли его наши символисты. И только постепенно стала выявляться кровная связь Гойи с временем и страной, подлинное лицо этого глухого художника, самого человека, каким он был со счастьем. Творчество Гойи не странно, скончавшееся не бред, не горячечные фантазии. В форме пророческо-острой и впечатляющей Гойя изображал реальных людей и явления, чудовищных людей и чудовищные явления, действительно окружающих художника.

Альбомы Гойя — живчая, бичующая сатира на все отжившее, косое, омертвевшее, на то, что обречено историей и смертью, но хочет исчезнуть, лишила земли. И второй этой сатирой — «Календарь скептика», не насыщенный наблюдается со стороны, а человек с сердцем любящим и гневным, художник с пылающим темпераментом борца.

Последнее десятилетие в Европе по-новому оценило творчество испанского художника. Не даром Фейхтвангер в романе «Успех» заставил главного героя Корнелиуса Гейгера — великого Гойя — в фантастической тюрьме. Страшные темы средневековья снова поднимались на грани. Никто немел их изображать так, как Гойя. никто немел у них неизвестность так, как Гойя. И по правде — на знамени революционных испанских художников, на знамени тех революционистов Испании, рядом с другими немецкоязычными именами перечеркнули имя героя сана испанского народа — Франсиско Гойя.

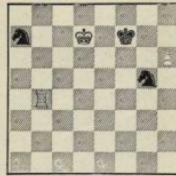
Шахматы

Под редакцией
Л. Гугеля

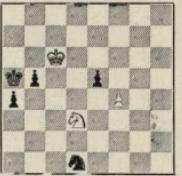
Этюд № 10
В. Лавин (Москва)

Этюд № 11
М. А. Александров (Новосибирск)

Печатается впервые

Белые: Крd7, А4, п.b6 . . . (3)
Черные: Крf7, К7, g5 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

Белые: Крf7, Кd3, п14
Черные: Кр5, Кd1, п4 b5, e5 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

Фанаты читателей прославленные правильные решения будут напечатаны вместе с этюдами в «Смене» № 1 в 1937 году.

НАШ 13-Й КОНКУРС РЕШЕНИЙ

По правилам читательской «Смены» вторично упомянуты масштабные соревнования серии «Задачи — 1-й конкурс такого рода», состоявшийся на 10 задачах международного уровня. Авторы задачи решены с огромным успехом, собрав 427 участников.

Серия 10-го конкурса включает в себя 10 задач-миниатюры (т. е. таких задач, чьи размеры не превышают 10×10 клеток). Решение на шахматном щите показывает, что даже борьба миниатюрного качества может быть интересной и даже полной красоты и прелестей. Да, трудности, над некоторыми задачами-миниатюрами, конечно, решаются «одним движением руки».

Срок открытия первой серии — 15 октября, срок окончания — 15 ноября. На старт в СССР, а также в Следующий Азии и Южной Америке удалились.

Решение задачи предполагает всенародное голосование. У. е. содержит первенство всех видов спорта в области шахмат.

Пять участников, набравших наибольшее количество очков, будут премированы:

1. М. А. Александров (Москва).
Белые: Крf4, Фd4, А5, Кd5 . . . (4)
Черные: Крf4, п.g5 . . . (2)

М. А. Александров (Москва).
И. А. Аббот (2 очка).

Белые: Крf4, Фd7, А5, Кd5 . . . (3)
Черные: Крf4, п.g5 . . . (2)

М. А. Александров (Москва).
Мат в две ходы.

3. С. Абза (2 очка).

Белые: Крf4, Фd7, А5, п.f7 . . . (2)

Черные: Крf4, А5, п.f7 . . . (2)

Мат в две ходы.

4. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, Фd7, С6, п.d7 и h5 . . . (3)
Черные: Крf4, Кd1, п4 b5, e5 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

5. С. Абза (3 очка).
Белые: Крf4, Фd7, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

6. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

7. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

8. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

9. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

10. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

11. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

12. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

13. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

14. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

15. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

16. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

17. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

18. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

19. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

20. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

21. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

22. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

23. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

24. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

25. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

26. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

27. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

28. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

29. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

30. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

31. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

32. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

33. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

34. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

35. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

36. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

37. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

38. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

39. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

40. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

41. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

42. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

43. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

44. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

45. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

46. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

47. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

48. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

49. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

50. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

51. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

52. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

53. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

54. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

55. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

56. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

57. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

58. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

59. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

60. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

61. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

62. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

63. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

64. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

65. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)
Белые, начали, выпрыгивают.

66. В. Шиманов (3 очка).
Белые: Крf4, А5, С6, п.d7 . . . (3)

Черные: Крf4,

ЦЕНА 85 коп.

